1918 ГУЧТЕНО 1949 И Л
450
1930

Рабочая Революція

№ 1. Іюнь—Іюль. № 1.

СОДЕРЖАНІЕ: 1. КЪ РАБОЧИМЪ.—2. ВТОРОЙ ГОДЪ БОРЬБЫ.—3. БОЛЬШЕВИСТСКАЯ ДИКТАТУРА и ЭКСПРОПРІАЦІЯ БУРЖУАЗІИ: а) Октябрьскій переворотъ. б) Господство рабочаго класса. в) Марксистская диктатура. г) Интеллигентская контръ-революція. д) Экспропріація буржуазіи. е) Соціалистическое строительство.—4. БЕЗРАБОТИЦА.

УЖ
Р178
БИБЛИОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

КЪ РАБОЧИМЪ.

Рабочіе! Своей борьбой вы превратили русскую революцію въ великій бунтъ противъ стараго міра грабежа и дикихъ, звѣриныхъ войнъ. Вы обуздали эксплуататоровъ капиталистовъ и вырвали русскій народъ изъ заколдованнаго круга безконечной международной бойни.

Но недостаточно укротить грабителей. Ихъ необходимо, пока еще не поздно, сокрушить захватомъ ихъ богатствъ. Плоха политика совѣтской власти свести октябрьскій переворотъ только къ ограниченію хозяйскаго самовластья въ производствѣ. Безразсудно пытаться обуздывать грабителей, оставляя въ ихъ рукахъ богатства, источникъ ихъ господства.

Совѣтская власть оставила контръ-революціонной буржуазіи достаточно времени и средствъ для созданія бѣлогвардейскихъ и офицерскихъ организацій на Украинѣ, на Дону, въ Сибири, а теперь и въ Поволжьѣ. Недодушенная буржуазія манитъ и вводитъ въ Россію иноземныхъ разбойниковъ. Съ ихъ помощью на Украинѣ, на Дону, въ Финляндіи, она уже возстановила свое господство и топитъ революцію въ крови защитниковъ октябрьскаго переворота. Желѣзнымъ кольцомъ контръ-революція окружаетъ совѣтскую республику и грозитъ задушить великій русскій бунтъ противъ грабежа и войны.

Способна ли совѣтская республика защитить свое существованіе? Увы! въ роковой моментъ коммунистическая власть не вѣритъ болѣе въ единодушный порывъ рабочаго населенія къ самозащитѣ и назначаетъ принудительный наборъ.

Тяжелое положеніе совѣтской власти проистекаетъ изъ ея нежеланія покончить съ буржуазіей. Большевистская партія, которой рабочіе такъ глубоко вѣрили въ октябрѣ, когда она обѣщала низвергуть грабительскій строй, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, трусливо остановилась, позорно попятилась назадъ. Она объявила пріостановку атакъ на буржуазію и въ тоже самое время диктаторской совѣтской власти поставила задачей введеніе дисциплины и усиленнаго труда рабочихъ въ пролетарскомъ государствѣ. Этой своей политикой большевики вырвали почву изъ подъ совѣтской республики и русской революціи. Своимъ поворотомъ они вдохновили всѣхъ прочихъ соціалистовъ на контръ-революціонную работу. Эсэры и меньшевики, боящіеся, какъ огня, рабочей революціи, обнаглѣли до такой степени, что смѣютъ вызывать голодные бунты, рабочія волненія и организовать политическія забастовки за учредилку, за возвращеніе всѣхъ правъ буржуазіи. Чего имъ бояться? Вѣдь сами коммунисты рѣшили не допускать немедленной рабочей революціи и диктаторскимъ режимомъ подавлять рабочіе бунты.

Большевики усыпили рабочихъ своими увѣреніями, что больше не нужны стачки, не нужна экономическая борьба рабочихъ съ буржуазіей за повышеніе заработной платы, за обезпеченіе отъ безработицы, ибо все будетъ сдѣлано декретами и приказами „рабочей" власти. Голодъ и безработица измучили рабочихъ, разочарованіе въ большевикахъ многихъ совершенно сбило съ толку. Соціалистическимъ контръ-революціонерамъ удалось вложить въ уста

нѣкоторыхъ рабочихъ позорящіе рабочій классъ лозунги: Назадъ! Вернуть буржуазіи учредилку, а капиталистамъ фабрики!

Рабочіе! Пора очнуться отъ многомѣсячной бездѣятельности, пора вернуться къ рабочему дѣлу. Какъ только вы подымете свою борьбу за наивысшій заработокъ, соціалистическіе контръ-революціонеры сразу присмирѣютъ: ваша экономическая борьба противъ эксплуатаціи разрушитъ ихъ контръ-революціонные заговоры скорѣе большевистскаго террора и красногвардѣйскихъ разстрѣловъ.

Пора рабочимъ массамъ перестать быть пѣшками въ рукахъ интеллигентскихъ партій, стремящихся вырвать другъ у друга политическую власть. Довольно гнаться за какой-то идеальной властью, лучшей, чѣмъ совѣтская. Своей собственной власти, собственнаго рабочаго правительства вы не дождетесь никогда: передъ всякой властью придется упорной борьбой отстаивать свое рабочее дѣло.

Пора наконецъ подумать о *собственной рабочей революціи*, о захватѣ фабрикъ и заводовъ, о захватѣ капиталистической прибыли для наибольшаго увеличенія своей заработной платы. Для этого дѣла требуется такое же единодушіе массъ, какъ въ октябрьскіе дни. Захватъ рабочими всего производства будетъ постольку удачнымъ, поскольку онъ будетъ произведенъ одновременно. Поэтому *прежде всего надо принудить совѣтскую власть объявить всеобщую одновременную экспропріацію крупной и средней буржуазіи.* Всякая собственность, приносящая доходъ выше установленной нормы (примѣрно 10 тысячъ въ годъ) должна быть конфискована, всѣ доходы интеллигенціи должны быть сведены до той же максимальной нормы.

Всеобщая экспропріація буржуазіи лишитъ ее возможности содержать бѣлогвардейскіе отряды и оплачивать бастующихъ служащихъ. Интеллигенція подъ угрозой голода принуждена будетъ отказаться отъ стачекъ и саботажа.

За счетъ той прибыли, которую потребляютъ капиталисты и сытая интеллигенція, должна быть повышена заработная плата рабочихъ, въ особенности неквалифицированныхъ, нынѣ обреченныхъ на голодный паекъ. Но прежде всего, должны быть обезпечены безработные. Для нихъ надо добиться, не дожидаясь окончательной экспропріаціи буржуазіи, немедленнаго открытія по всей Россіи страховыхъ кассъ, субсидируемыхъ государствомъ.

Рабочіе! Всеобщая экспропріація буржуазіи это начало той рабочей революціи, которой съ октября ждутъ отъ Россіи рабочіе всѣхъ странъ. Они надѣются, что тамъ, гдѣ буржуазную власть удалось низвергнуть, рабочій классъ покажетъ всему міру, какъ можно жить безъ грабителей, какъ преступно бороться за грабительское отечество и въ братоубійственной войнѣ приносить ему въ жертву милліоны жизней. Послѣ уничтоженія буржуазнаго строя въ Россіи, никакому кайзеру не удастся удержать рабочія массы въ адской бойнѣ, не удастся спасти буржуазный строй отъ міровой революціи.

Москва, 24 іюня.

Второй годъ борьбы.

За что борется рабочій народъ послѣ того, какъ рухнулъ царскій тронъ? Гдѣ тотъ врагъ, котораго онъ такъ упорно преслѣдуетъ и осаждаетъ, пытаясь его доканать? Чего хотятъ, къ чему стремятся русскія рабочія массы?

По низверженіи царскаго самодержавія соціалистическіе спасители пролетаріата, вкупѣ со всей прочей буржуазіей, всячески старались убѣдить рабочихъ, что единственной ихъ заботой должно быть преобразованіе Россіи въ «свободное» демократическое государство на манеръ западно-европейскаго, укрѣпленіе его и защита отъ внѣшняго врага. Но рабочія массы скоро показали, что царскую власть онѣ разрушали не для того, чтобы кровью своею по прежнему защищать россійскихъ грабителей и ихъ богатства, не для того, чтобы вернуть имъ утерянныя и завоевывать новыя владѣнія, а для того, чтобы защитить себя отъ эксплуатаціи, избавиться отъ голодовокъ и двинуть впередъ борьбу съ грабителями.

Когда при новомъ правительствѣ стали гнать въ окопы не менѣе усердно, чѣмъ при царѣ, рабочія массы убѣдились, что новая власть, хотя она и республиканская и демократическая, и опирается на захваченные соціалистами—оборонцами рабочіе совѣты, есть тѣмъ не менѣе власть буржуазная, все та же, что при царяхъ, господская власть, повелѣвающая рабамъ охранять своихъ угнетателей, принуждающая милліоны гибнуть на войнѣ, защищая богатства тѣхъ самыхъ грабителей, противъ которыхъ рабочій народъ поднялъ свое возстаніе.

Рабочія массы объявили непримиримую борьбу новому демократическому государству. Но этотъ вызовъ неизбѣжно билъ не только по русской республикѣ, но и по всѣмъ государствамъ, затѣяв-

шимъ звѣрскую бойню, и прежде всего задѣвалъ почтенныя демократіи, которыя для веденія войны заключили союзъ съ царемъ. Этотъ вызовъ былъ брошенъ всему старому міру, всѣмъ высококультурнымъ грабительскимъ державамъ, которыя опустошаютъ міръ, истребляютъ наилучшія силы человѣчества, обрекаютъ на голодъ и вырожденіе цѣлые народы.

Русскій рабочій разгадалъ злодѣйскіе замыслы великодержавныхъ разбойниковъ, которые, пользуясь продолжительнымъ упадкомъ революціонной борьбы рабочихъ, затѣяли бойню, чтобы въ крови утопить грядущую рабочую революцію. Тѣхъ самыхъ рабочихъ, что клялись въ единеніи и вѣрности всемірной борьбѣ съ эксплуататорами,— заставили истреблять другъ друга. Тѣхъ самыхъ рабочихъ, которые мечтали о низверженіи грабительскаго строя, принудили спасать этотъ строй цѣною милліоновъ загубленныхъ жизней. Коронованные и республиканскіе разбойники рѣшили разъединить народы морями крови, непреодолимыми стѣнами племенной ненависти предохранить грабительскій міръ отъ грозящей ему гибели, вернуть ему средневѣковую крѣпость.

Русскій рабочій разбиваетъ дьявольскіе планы угнетателей и призываетъ къ возстанію рабочихъ всего міра. На фронтѣ, вооруженныя для борьбы съ внѣшнимъ врагомъ, рабочія массы совершаютъ невиданную измѣну разбойничьему государству, топчутъ безбоязненно священнѣйшіе завѣты грабительскаго отечества, подаютъ руку его врагамъ, начинаютъ братаніе съ цѣлью немедленно прекратить варварскую бойню. Въ тылу по всей странѣ съ каждымъ днемъ растетъ нападеніе на эксплуататоровъ: рабочими завоевывается высшая плата, восьмичасовой рабочій день, обуздываются капиталисты въ ихъ самодержавіи на фабрикахъ и въ мастерскихъ.

Напрасны усилія соціалистическихъ опекуновъ пролетаріата укрѣпить буржуазную власть противъ бунтующагося народа своимъ собственнымъ участіемъ въ правительствѣ. Выдвинутый ими соціалистическій диктаторъ своей злодѣйской и безсмысленной политикой наступленія вызываетъ лишь контръ-революціонную корниловщину, приводящую въ негодованіе всю Россію. Попытка демократическаго совѣщанія образовать правительство исключительно изъ соціалистовъ кончается фарсомъ и даетъ лишь возможность вернуться къ власти заядлымъ локаутчикамъ.

Гнѣвъ рабочаго народа растетъ. Вспыхиваютъ повсюду аграрные бунты съ обычнымъ кличемъ рабовъ русской деревни: долой съ земли помѣщиковъ! Но къ этому стародавнему кличу присоединяется въ городахъ новый могучій кличъ, кличъ рабочимъ всѣхъ странъ: долой съ фабрикъ и заводовъ всѣхъ буржуазныхъ піявокъ! Расправа съ грабителями!—въ этомъ классовомъ стремленіи объединятся рабочій народъ всей Россіи.

Большевистская партія вѣрно учла силу назрѣвшей революціонной стихіи и постаралась овладѣть ею. Своимъ лозунгомъ: «вся власть совѣтамъ» она опредѣлила по своему цѣль всенароднаго возстанія и убѣдила массы, что совѣтская власть будетъ властью рабочаго класса и бѣднѣйшихъ крестьянъ. Восторженно привѣтствовали рабочіе захватъ большевиками центральной правительственной власти, крутыя мѣры противъ буржуазныхъ правителей, противъ богачей и саботирующей интеллигенціи, рѣшительные шаги къ заключенію міра, сверженіе господской офицерской касты, закрытіе лживой буржуазной прессы, разгонъ учредительнаго собранія.

— Эти ужъ навѣрно расправятся со всѣми эксплуататорами! Такъ думали массы и беззавѣтно довѣрились большевикамъ.

Буржуазія почувствовала смертельную опасность и двинула въ бой всѣ свои силы. Онѣ оказались гораздо многочисленнѣе, гораздо внушительнѣе, чѣмъ предсказывала соціалистическая, а значитъ и большевистская, программа. Врагами рабочаго народа оказались не только капиталисты и помѣщики, не только явно буржуазныя партіи, но и всѣ демократы, всѣ соціалисты, за исключеніемъ небольшой группы большевистской интеллигенціи. Соціалистическіе опекуны народа, энъ-эсы и эсъ-эры оказались свирѣпыми усмирителями народа. Въ Москвѣ, въ Питерѣ, въ ставкѣ, на Дону они вооружали и вдохновляли на борьбу съ рабочими буржуазныхъ сынковъ, бѣлогвардейцевъ, юнкеровъ, офицеровъ.

Передъ рабочимъ предсталъ новый, до сихъ поръ укрывавшійся за соціализмомъ, буржуазный классъ, самый заядлый, самый цѣпкій паразитъ, оборзованный, надменный врагъ рабочей революціи, саботирующая интеллигенція.

Не разъ поколебались большевистскіе вожди при столкновеніи съ организованнымъ отпоромъ буржуазнаго образованнаго общества. Но рабочія массы не дрогнули. Напротивъ, вырастающія всюду новыя вражескія силы, вдохновляли ихъ лишь на болѣе упорную борьбу, ибо становилось очевиднымъ, что идетъ борьба всѣхъ ограбленныхъ противъ всѣхъ грабителей, всѣхъ рабовъ ручного труда противъ господствующаго міра бѣлоручекъ.

Рабочій народъ въ теченіи зимы по всей Россіи обезпечилъ побѣду большевикамъ, далъ полную возможность совѣтской власти расправиться съ эксплуататорами.

И что же? Оправдали ли большевики ожиданія столь беззавѣтно вѣрившаго имъ народа? Увы! уже послѣ двухъ, трехъ хѣсяцевъ большевистскаго хозяйничанія рабочіе замѣтили, что расправа съ эксплуататорами не подвигается впередъ. Съ капиталистами, хозяевами фабрикъ и заводовъ большевики не думали спѣшить, какъ со старыми чиновниками, судьями, офицерами.

Большевики наносили подчасъ жестокія обиды богачамъ, лишили помѣщиковъ и капиталистовъ

голоса въ управленіи государствомъ, но богатства буржуазіи были затронуты лишь въ незначительной степени. Такъ напр., совѣтская власть разгорила часть банкировъ, т. е. тѣхъ капиталистовъ, у которыхъ прибыль не создается, а лишь загребается и распредѣляется, часто въ ущербъ самимъ промышленникамъ и буржуазному обществу. Но тѣ источники богатствъ, гдѣ прибыль непосредственно выкачивается изъ рабочихъ, за очень малыми исключеніями, остается собственностью капиталистовъ. Совѣтская власть не рѣшается посягнуть на эту собственность и лишь ищетъ отговорокъ, чтобы оттягивать какъ можно дольше экспропріацію промышленниковъ. Такимъ образомъ, основа буржуазнаго хозяйства, капиталистическая промышленность, не нарушалась; буржуазный строй не переставалъ существовать въ Россіи.

Но, можетъ быть, все-таки, благодаря большевистской диктатурѣ и «рабочему контролю» на фабрикахъ, стало улучшаться матеріальное положеніе рабочихъ массъ? Ничуть! Заработная плата совсѣмъ не поднялась. При бѣшено растущей дороговизнѣ оплата труда значительно ниже, чѣмъ до октябрьскаго переворота. Даже самый вліятельный изъ профессіональныхъ союзовъ, союзъ металлистовъ не могъ дождаться въ теченіи трехъ мѣсяцевъ затребованнаго имъ еще 1 октября обычнаго повышенія ставокъ. Итакъ, даже прибавки по случаю дороговизны достаются рабочимъ въ совѣтской республикѣ ничуть не легче, чѣмъ въ республикѣ Керенскаго и локаутчиковъ.

Послѣ февральскаго буржуазнаго переворота рабочая плата сильно повысилась и завоеванъ восьмичасовой рабочій день. Послѣ октябрьской пролетарской революціи рабочіе не получили ничего. Капиталистовъ локаутчиковъ зависть брала при видѣ желѣзной хозяйской руки коммунистовъ, которые ловкимъ маневромъ предохранили себя отъ рабочихъ стачекъ и волненій.

Не въ меньшей мѣрѣ «пролетарская власть» показала свою желѣзную хозяйскую руку по отношенію къ безработнымъ. Согласно изданному декрету безработные должны были получать пособіе изъ страховыхъ кассъ, куда капиталисты обязаны были дѣлать регулярные взносы. Но всю зиму никто объ исполненіи декрета не заботился, а пролетарская власть не считала нужнымъ отпустить въ кассу безработныхъ изъ государственной казны ни гроша. Такимъ образомъ, до самой весны безработные никакого пособія ни откуда не получали.

Когда на Россію обрушился голодъ, картина въ «соціалистическомъ отечествѣ» получилась та же, что и въ отечествѣ буржуазномъ, что и при царѣ: рабочій народъ пухнетъ съ голоду, въ столицахъ и въ провинціи среди бѣдноты свирѣпствуютъ эпидеміи, а тутъ же о бокъ богачи и всѣ привиллегированные люди хоть немного и стѣснены, все же голода не ощущаютъ, ибо для нихъ всегда находится достаточное количество дорого стоющихъ продуктовъ, которыми можно замѣнить недостающій хлѣбъ и другіе дешевые продукты, безъ которыхъ не можетъ обойтись рабочая семья.

Рабочій народъ ждетъ терпѣливо мѣсяцъ за мѣсяцемъ, но въ «соціалистическомъ отечествѣ» равенство ничуть не приближается, подлинная расправа съ богачами и господами не наступаетъ. —Вѣроятно, трудно наладить все сразу!—думаютъ одни, а другіе уже успѣли совершенно разочароваться и махнули на все рукой.

Вдругъ раздается грозный окрикъ коммунистическаго хозяина: Желѣзная дисциплина на фабрикахъ! усиленный трудъ! трибуналы для «саботажниковъ» рабочихъ! Вотъ изъ-за чего дѣло стоитъ: соціалистическая власть дѣлаетъ все возможное, но при озорствѣ и лѣни рабочихъ идти впередъ на вѣрный провалъ нельзя.

Этотъ грубый хозяйскій окрикъ, эти благочестивыя поученія «революціоннаго» правительства о томъ, что вмѣсто «додушенія буржуазіи» надо заняться «самодисциплинированіемъ», весь этотъ скандальный «поворотъ» въ мартѣ мѣсяцѣ былъ преподнесенъ Москвѣ, какъ подарокъ, съ пріѣздомъ совѣта народныхъ комиссаровъ. Подарокъ этотъ, очевидно, не могъ быть оставленъ на пропитаніе питерскимъ рабочимъ, давно уже разочарованнымъ и озлобленнымъ; его надо было сохранить для болѣе спокойныхъ московскихъ рабочихъ.

Не только рабочіе съ недоумѣніемъ слушали неожиданный нагоняй своихъ коммунистическихъ освободителей. Вся буржуазія ушамъ своимъ не вѣрила. Но фактъ несомнѣнный. Большевики бьютъ генеральный отбой. За своими вождями вся партія, всѣ коммунистическіе ораторы и чиновники преподносятъ рабочимъ выговоры за лѣность. И буржуазія громко, весело расхохоталась. Увы! она хохотала надъ грозной большевистской революціей, передъ которой недавно трепетала.

Большевистскіе правители въ одинъ прекрасный день пришли къ выводу, что Россія совсѣмъ разучилась работать. И, словно самая обыкновенная буржуазная власть, коммунисты обрушиваются первымъ дѣломъ... на рабочихъ. Рабочіе—это первые, которыхъ надо подхлестнуть и заставить усиленно работать. Ну, а всѣ бѣлоручки, образованная буржуазія совсѣмъ не подырничаетъ? Не ихъ ли первыхъ слѣдовало бы подхлестывать и подгонять? Но образованныхъ, ученыхъ людей развѣ можно принуждать въ ихъ «работѣ мысли», въ ихъ умственномъ трудѣ?

Своими стачками противъ рабочей диктатуры интеллигенція, выторговала у большевиковъ привиллегированное положеніе и свои жирные доходы. Теперь коммунисты больше не смѣютъ, даже при желаніи задобрить рабочихъ, запла-

ся объ уравненіи доходовъ интеллигента и рабочаго. Теперь, напротивъ, за восьмичасовой трудъ рабочему полагаются выговоры за лѣность, а легкая шестичасовая работа бѣлоручекъ въ теплыхъ и чистыхъ конторахъ, бюро и всякихъ учрежденіяхъ при жарныхъ, за счетъ труда рабочаго, окладахъ не заслуживаетъ никакого упрека. Это трудъ честный, безупречный.

Трудъ рабочаго долженъ быть усиленъ, интенсифицированъ, оплачиваемъ сдѣльно, чтобы лишняя копѣйка, упаси Богъ, ему не досталась. Для чего? Чтобы оставленные большевиками на фабрикахъ капиталисты исправно получали прибыль? Чтобы рабочій щедро, по старому кормилъ все образованное общество, всю буржуазію, благополучно продолжающую существовать въ «соціалистическомъ отечествѣ»?

Для сверженія и подавленія буржуазіи рабочіе вручили большевикамъ сильную диктаторскую власть. Теперь эта власть заявляетъ, что она нужна для введенія порядка и дисциплины въ средѣ самихъ рабочихъ. Та привычка къ труду, которую привили массамъ помѣщики своимъ кнутомъ, а капиталисти угрозой голода и безработицы, еще недостаточна для успѣшнаго веденія рабочаго хозяйства. Твердая власть большевистской диктатуры должна завершить эту выучку, которая, по увѣренію Ленина, является благороднѣйшей задачей рабочей совѣтской власти. Самодисциплинированіе во имя якобы товарищеской солидарности, при жизни буржуазнаго строя, есть самая настоящая дисциплина, вводимая большевистскими комитетчиками, комиссарами и судьями во славу «отечественной промышленности».

Коммунисты совершенно забыли то недавнее время, когда вовсе не были нужны диктаторы-комиссары надъ рабочими для того, чтобы вести городское хозяйство Москвы въ труднѣйшихъ условіяхъ, при упорномъ саботажѣ интеллигенціи, когда рабочіе прекрасно исполняли трудъ не только свой, но и бастующихъ служащихъ. Тогда рабочіе вѣрили, что идетъ борьба за ихъ дѣло. Теперь никакими коммунистическими увѣреніями рабочихъ не убѣдишь, что ихъ дѣломъ является «самодисциплина» въ такомъ производствѣ, которое даетъ прибыль капиталистамъ, и повышеніе производительности труда въ такомъ обществѣ, которое состоитъ по прежнему изъ голоднаго народа и сытой буржуазіи. Безъ принужденія нельзя заставить раба прилежно работать на своего эксплуататора. Голодный не станетъ добровольно носить на своей спинѣ сытыхъ паразитовъ.

Не помогутъ большевистскому правительству его убѣжденія и разъясненія, что дисциплина вводится самими рабочими, ихъ собственной, ими выбранной рабочей властью: рабочія массы будутъ чувствовать палку «рабочаго» правительства, и такой власти выраженіемъ своей воли не признаютъ, на ея защиту не поспѣшатъ.

Кто же, въ такомъ случаѣ, будетъ защищать совѣтскую республику отъ ярости и мести иностранной и своей буржуазіи? Уже въ мартѣ, при пашествіи кайзеровскихъ полчищъ, оказалось, что рабочія массы не идутъ на защиту «соціалистическаго отечества» большевиковъ. Не помогутъ увѣренія, что война «справедлива» и «священна» съ тѣхъ поръ, какъ большевики достигли власти, призвали къ миру всѣ страны и обнародовали тайные имперіалистическіе договоры. Рабочій народъ разсуждаетъ не по большевистски. Онъ потребовалъ прекращенія войны въ тотъ самый моментъ, когда объявилъ расправу со своими «отечественными» грабителями. Онъ показалъ, что за грабителей, за сохраненіе ихъ богатствъ онъ больше драться не желаетъ.

Большевики все это чувствуютъ и, не полагаясь на добровольческую армію, объявляютъ принудительный наборъ. Такая армія, какъ и красногвардейская, сумѣетъ, пожалуй, защитить совѣтскую власть отъ чехословаковъ и внутренней контръ-революціи, но передъ нашествіемъ нѣмцевъ или японцевъ она не устоитъ.

Совѣтское правительство не можетъ не чувствовать, что обѣщанное октябрьскимъ переворотомъ уничтоженіе грабительскаго строя одно лишь могло бы спасти революцію; что только захватъ фабрикъ, заводовъ и прочихъ богатствъ буржуазіи въ пользу рабочихъ могъ бы возродить октябрьскій единодушный порывъ рабочихъ массъ къ упорной защитѣ рабочей революціи. Большевики должны понимать это и все-таки выбрали путь противоположный. Они объявили пріостановку атакъ на буржуазію и направили свою диктаторскую власть на обученіе рабочихъ прилежанію. Почему?—Такова ужь природа соціализма.

Всякій соціалистъ обязательно назначаетъ рабочимъ, раньше ихъ освобожденія, предварительную выучку подъ палкой. Соц-дем-ты меньшевики никогда не хотятъ разставаться съ капиталистической палкой. Ихъ родные братья, соц-дем-ты большевики, раньше чѣмъ отказаться отъ нея, сооружаютъ палку коммунистическую.

Большевики увѣряютъ, что совѣтская власть, избранная самими рабочими, безъ участія капиталистовъ, не можетъ не быть истиннымъ выраженіемъ воли рабочихъ. Но годъ тому назадъ совѣтская власть, избранная на тѣхъ же основахъ, что и большевистская, ужъ несомнѣнно не была рабочей волей, а подъ руководствомъ меньшевиковъ и эсеровъ защищала буржуазный строй и призывала къ участію въ грабительской войнѣ. Такимъ образомъ совѣтская власть по себѣ не есть святая святыхъ, не даетъ еще гарантіи и теперь, что въ рукахъ большевиковъ она выражаетъ волю и нужды рабочаго класса.

Почему же годъ тому назадъ рабочіе не выбрали своихъ истинныхъ представителей? Почему

и теперь между волею рабочихъ массъ и властью выбранныхъ ими депутатовъ лежитъ глубокая пропасть?

Не будемъ говорить въ данный моментъ о разницѣ въ интересахъ и нуждахъ наемныхъ рабочихъ и тѣхъ крестьянъ, что мечтаютъ лишь о пріобрѣтеніи и владѣніи собственнымъ клочкомъ земли. Рабочихъ не менѣе интересуетъ и другой вопросъ: почему между рабочими массами и ихъ **собственными** депутатами раньше или позже возникаетъ рознь?

Къ совѣтскимъ выборамъ допускается наравнѣ съ рабочими и **интеллигенція**, которая въ октябрѣ яростно возстала противъ всеобщаго стремленія рабочихъ низвергнуть власть локаутчиковъ, та самая интеллигенція, которая оказалась вѣрнѣйшимъ защитникомъ буржуазіи, упорнѣйшимъ врагомъ рабочей революціи. Не смотря на такія выступленія интеллигенціи, соціалисты, и большевики въ томъ числѣ, заставляютъ смотрѣть на нее, какъ на солидарный съ рабочими отрядъ единаго «пролетаріата». Между тѣмъ интеллигенціи, за исключеніемъ низшихъ ея слоевъ, выгоденъ демократическій буржуазный строй, въ которомъ она возвышается надъ ручными рабочими, и опасна рабочая революція, которая грозитъ ей уравненіемъ съ рабочими. Вотъ почему она удерживаетъ рабочихъ отъ нападенія на буржуазное общество и сочиняетъ соціалистическія программы, только ей выгодныя.

Большевики въ октябрьскомъ переворотѣ провозгласили демократическую сказку, будто рабочія массы, обреченныя на пожизненный ручной трудъ и невѣжество, станутъ вдругъ сами управлять государствомъ. Для управленія, уже на мѣстахъ, требуются люди интеллигентные, а въ центрахъ сплошь и рядомъ просто необходимы ученые спеціалисты. Не рабочія массы правятъ въ совѣтской республикѣ, а ихъ **депутаты**. Рабочія массы выбираютъ образованныхъ соціалистовъ, которые обѣщаютъ борьбу съ грабителями, но потомъ, получивъ власть, въ угоду интеллигенціи эту борьбу пріостанавливаютъ. Если рабочая масса, въ лучшемъ случаѣ, выбираетъ своихъ болѣе интеллигентныхъ товарищей, рабочихъ «передовиковъ», то они должны имѣть въ рукахъ ясно выраженную и обоснованную программу, которой вдругъ не создашь, которую они берутъ готовой у соціалистовъ. Рабочіе-передовики вступаютъ въ соціалистическія партіи, отрываются отъ массы, становятся пропагандистами интеллигентскихъ программъ, а не выразителями рабочихъ массъ.

Въ большевистской диктатурѣ рабочіе «передовики» изъ революціонеровъ, выражающихъ волю массъ, превращаются въ государственныхъ чиновниковъ, которые по большевистской указкѣ строятъ въ буржуазномъ обществѣ новое демократическое государство. Они становятся обыкновенными правителями, командирами, надсмотрщиками, уходятъ отъ рабочей массы и пристаютъ къ низшимъ слоямъ буржуазнаго образованнаго общества. Теперь они съ особеннымъ рвеніемъ вводятъ рабочую дисциплину и вырабатываютъ на съѣздахъ и въ профессіональныхъ союзахъ разные системы прижимокъ, въ видѣ сдѣльной оплаты труда, разсчетовъ «малопроизводительныхъ» рабочихъ и даже черныхъ списковъ.

Такія явленія происходятъ во всѣхъ странахъ. Рабочія массы своимъ **депутатамъ** и **представителямъ** довѣриться не могутъ. Онѣ должны, не поддаваясь соціалистическимъ баснямъ, безпрестанно и громко заявлять о своихъ нуждахъ, о своей волѣ.

Рабочіе не будутъ имѣть своего «рабочаго правительства» даже тогда, когда исчезнутъ капиталисты. Пока рабочій классъ обреченъ на невѣжество, править будетъ, въ лицѣ его депутатовъ, интеллигенція, которая защищая себя, а не рабочихъ, будетъ всегда отстаивать привиллегіи стараго грабительскаго міра. Послѣ экспропріаціи капиталистовъ рабочимъ предстоитъ уравнять свои доходы съ доходами интеллигентовъ, иначе они обречены на ручной трудъ, невѣжество и неумѣнье управлять жизнью страны. Итакъ, даже послѣ паденія капиталистическаго строя рабочіе не будутъ носителями государственной власти, не будутъ имѣть послушнаго правительственнаго аппарата въ своихъ рукахъ.

Когда рабочій классъ стремится къ своему господству, это значитъ, что онъ стремится къ **революціонному господству надъ государственной властью**. Революціоннымъ давленіемъ, изъявленіемъ воли милліонныхъ рабочихъ массъ онъ долженъ диктовать законы государственной власти.

Уже больше полугода большевистская диктатура усыпляетъ рабочія массы сказкой, будто въ Россіи существуетъ коммунистическое рабочее правительство, которое выражаетъ волю рабочихъ, которое само уничтожаетъ ихъ рабство. И хотъ это большевистское «рабочее правительство» оставляетъ при жизни буржуазный строй, пріостанавливаетъ нападеніе на грабителей, пріостанавливаетъ рабочую борьбу раньше, чѣмъ она разрослась въ настоящую рабочую революцію. Мало того. Рабочіе были такъ отуманены, потомъ такъ разочарованы, что всякій контръ-революціонеръ, всякій меньшевикъ легко тащитъ ихъ назадъ и смѣетъ призывать къ возвращенію грабителямъ всѣхъ прежнихъ ихъ правъ.

Не низвергать совѣтскую власть, на радость всѣмъ соглашателямъ и контръ-революціонерамъ, должны рабочія массы, а толкать ее **впередъ** своими рабочими экономическими требованіями, которыя послѣ захвата совѣтами власти не должны были замолкнуть, а напротивъ, подняться до требованія экспропріаціи буржуазіи въ пользу рабочаго класса.

Большевистская диктатура и экспропріація буржуазіи.

Сто лѣтъ соціалисты поучаютъ рабочихъ, какимъ образомъ низвергнуть грабительскій буржуазный строй. Написаны по этому предмету горы книгъ, научныхъ изслѣдованій, журналовъ, брошюръ, газетъ, воззваній. Несмотря на громадный трудъ цѣлыхъ соціалистическихъ поколѣній, русскіе большевики, захвативъ удачно власть, очутились въ полномъ невѣдѣніи: какъ-же все таки «додушить буржуазію?», какъ низвергнуть окончательно буржуазный строй? Они бродили впотьмахъ почти такъ-же, какъ сорокъ семь лѣтъ тому назадъ парижскіе коммунары, какъ 70 лѣтъ тому назадъ въ томъ же Парижѣ соціалисты, низвергнувшіе буржуазную монархію и безпомощно метавшіеся передъ вопросомъ: что же имъ дальше дѣлать съ рабочими возстаніями? Сами большевики могли теперь убѣдиться, и своей безпомощностью засвидѣтельствовать, что вся соціалистическая наука, особенно за послѣдніе полвѣка, занималась лишь вопросомъ, какъ подготовлять рабочихъ къ соціализму, какъ развивать демократическій буржуазный строй, и вовсе не думала о томъ, какъ буржуазію въ моментъ революціи низвергнуть.

Большевикамъ для проведенія «пролетарской» революціи пришлось искать указаній не въ новѣйшей, а самой старой, первоначальной фазѣ развитія марксизма, въ литературѣ, возникшей въ эпоху, отдаленную отъ насъ на цѣлыхъ 70 лѣтъ. Малѣйшія указанія Маркса того времени большевики старались въ точности выполнить вплоть до переименованія себя изъ «соціалистовъ» въ «коммунистовъ».

Затѣмъ они приступаютъ къ частичнымъ націонализаціямъ въ такомъ порядкѣ, какъ указывалъ Марксъ, но къ великому несчастью похвалиться хорошими результатами своихъ экспериментовъ не могутъ, ибо не умѣютъ преодолѣть сопротивленія буржуазнаго общества. Буржуазный строй не перестаетъ существовать. Стѣсненный, искалѣченный, онъ все же не лишенъ возможности, въ случаѣ ослабленія революціи, залѣчить свои раны и возродиться къ новой жизни.

Какъ же доканать буржуазный строй? Продолжать ли частичныя націонализаціи, которыя уже обнаружили свою немощность? Какъ преодолѣть живучесть стараго строя, новые способы сопротивленія буржуазнаго образованнаго общества?

Важнѣйшіе шаги соціальной революціи, основныя проблемы соціалистическаго переворота большевики принуждены рѣшать теперь ощупью, впервые, принуждены, однако, рѣшать ихъ немедленно, среди невѣроятно быстрой смѣны событій революціоннаго момента, подъ ураганнымъ огнемъ своей и иностранной буржуазіи. Вопреки-же истекшаго полувѣка ни одинъ изъ многочисленныхъ марксистскихъ ученыхъ не сталъ себѣ задачей развить, дополнить марксову формулу революціи, созданную въ 1847—50 г.г.

И не удивительно. Въ эпоху, слѣдовавшую за февральской революціей, соціализмъ, и въ частности марксизмъ, стремился не къ рабочей революціи, а къ распространенію соціалистической вѣры въ развитіе буржуазнаго строя, въ то, что капиталисты сами роютъ себѣ могилу, что будущій строй вырастетъ изъ лона буржуазнаго общества, только бы не нарушать естественнаго процесса развитія, попытками вызвать «преждевременные роды», преждевременную рабочую революцію.

Октябрьскій переворотъ.

Во всѣ періоды развитія марксизма положеніе, что первымъ шагомъ въ освобожденіи рабочаго класса является завоеваніе власти, оставалось незыблемымъ, неизмѣннымъ. Соціалъ-демократія опошлила это положеніе своей политикой, учившей, что достигнуть государственной власти рабочій классъ можетъ вѣрнѣе всего путемъ мирной парламентской борьбы. Теперь всякій большевикъ, вѣроятно, признаетъ, что не «господство пролетаріата» достигается законной мирной борьбой, что на этомъ пути лишь сама соціалъ-демократія становится мирной законной партіей, которая въ настоящій моментъ всюду помогаетъ правительствамъ вести грабительскую войну, и вдохновляетъ рабочія массы разныхъ странъ истреблять другъ друга. Большевизмъ не только въ пропагандѣ, не только на словахъ, но и на дѣлѣ возстановилъ въ первоначальной революціонной «чистотѣ» Марксову формулу о захватѣ власти.

Власть завоевывается не мирнымъ, а насильственнымъ путемъ, путемъ всенародныхъ возстаній. Вотъ что доказалъ большевизмъ всему соціалистическому міру, доказалъ, никто спорить не станетъ, съ блестящей наглядностью и несомнѣнностью. Но утвержденія большевиковъ, что ихъ захватъ власти есть диктатура, господство рабочаго класса, является одной изъ тѣхъ многочисленныхъ басенъ, которыя сочиняются соціализмомъ на протяженіи всей его исторіи.

Хотя большевики отвергли соглашательство соціалъ-демократіи, однако, господство рабочаго класса достигается у нихъ такъ-же скоро и просто, какъ парламентское господство у Шейдемановцевъ. И тѣ, и другіе обѣщаютъ рабочему классу господство въ его ничѣмъ ненарушенной неволѣ, при существованіи буржуазіи, владѣющей всѣми богатствами.

Наканунѣ 1903 г. большевизмъ, будучи самъ соглашательскимъ, вмѣстѣ со всей соціалистической и демократической братіей, увѣрялъ, что

свержение самодержавія дѣлаетъ рабочій классъ хозяиномъ страны. Въ 1917 г., черезъ нѣсколько дней послѣ октябрьскаго переворота, какъ только большевики заняли въ совѣтахъ мѣста соц.-рев. и меньшевиковъ, Ленинъ—мѣсто Керенскаго, а Шляпниковъ—Гвоздева,—рабочій классъ уже по одному этому сдѣлался владѣльцемъ всѣхъ богатствъ россійскаго государства. «Земля, желѣзныя дороги, фабрики—все это, рабочіе, отнынѣ ваше»,—говорится въ одномъ изъ первыхъ воззваній Сов. Нар. Комиссаровъ.

Марксизмъ, очищенный, якобы, отъ соціалъ-демократическаго оппортунизма, все же обнаруживаетъ старую склонность, свойственную всѣмъ соціалистическимъ краснобаямъ, склонность кормить рабочихъ вмѣсто хлѣба—баснями. Марксизмъ революціонный, коммунистическій, извлеченный изъ-подъ мусора долгихъ десятилѣтій, представляетъ все ту же демократическую утопію о самодержавіи народа въ его неволѣ, въ его невѣжествѣ, въ его экономическомъ рабствѣ.

Достигнувъ своей диктатуры и рѣшивъ осуществлять соціалистическій строй, большевистскій марксизмъ не отдѣлался отъ старой марксистской повадки заглушать «политикой» рабочую «экономику», отвлекать рабочихъ отъ экономической борьбы и заданія экономическія подмѣнять политическими. Напротивъ, сотворивъ счастливо свой шедевръ, большевики не преминули опутать рабочія массы самымъ неудержимымъ славословіемъ «рабоче-крестьянскаго правительства».

Оттого только, что большевики захватили власть, моментально исчезла буржуазная Россія, родилась Россія соціалистическая, Россійское «соціалистическое отечество», хотя до сихъ поръ «пролетарская диктатура» не только не приступила, но и не думаетъ, очевидно, приступать къ обобществленію фабрикъ и заводовъ.

Капиталисты потеряли свои фабрики, хотя онѣ не отобраны у нихъ, они больше не собственники своихъ капиталовъ, хотя по прежнему живутъ по-барски. Съ октября собственникомъ всѣхъ богатствъ является рабочій, тотъ самый рабочій, плата котораго, при все растущей дороговизнѣ, становится голодной платой, тотъ самый «владѣлецъ фабрики», что при малѣйшей заминкѣ въ транспортѣ обрекается на всѣ ужасы еще не виданной въ Россіи безработицы.

Да, чудотворна большевистская диктатура! Она даетъ рабочимъ власть, она даетъ имъ господство и освобожденіе, оставляя всѣ богатства въ рукахъ буржуазнаго общества.

Однако, говоритъ марксистская коммунистическая наука, исторія не знаетъ другого пути освобожденія: до сихъ поръ всѣ классы освобождались путемъ захвата государственной власти. Этимъ путемъ и буржуазія достигла своего самодержавія въ эпоху великой французской революціи.

Маленькую подробность забыли коммунистическіе ученые: всѣ освобождавшіеся въ исторіи классы, были классами имущими, а рабочей революціи предстоитъ обезпечить господство за классомъ неимущимъ. Буржуазія приступила къ захвату государственной власти лишь послѣ того, какъ въ теченіе столѣтій накопила богатства, размѣрами своими не уступавшія богатствамъ ея угнетателей, дворянской знати; и только по этой причинѣ голый захватъ власти являлся для нея дѣйствительнымъ установленіемъ ея владычества, закрѣпленіемъ ея господства.

Рабочій классъ не можетъ слѣдовать по пути освобождающейся буржуазіи. Для него немыслимо накопленіе богатствъ, на этой почвѣ онъ не можетъ преодолѣть силу буржуазіи. Рабочій классъ не можетъ сдѣлаться владѣльцемъ богатствъ до своей революціи. Поэтому захватъ государственной власти, произведенный какой угодно революціонной и архикоммунистической партіей, самъ по себѣ не даетъ рабочимъ ничего, кромѣ той призрачной власти, призрачнаго господства, какимъ до сихъ поръ не переставала быть большевистская диктатура.

Большевики не двигаются впередъ, и рабочія массы, уже давно начавшія разочаровываться въ нихъ, признаютъ въ концѣ концовъ большевистскую диктатуру безполезной для себя и уйдутъ отъ нихъ, какъ ушли отъ меньшевиковъ и эсэровъ. Обнаружится, что нынѣшняя власть—не власть рабочаго класса, что она защищаетъ интересы «демократіи», низшихъ слоевъ буржуазнаго общества: мелкой городской и сельской буржуазіи, интеллигенціи, такъ называемой народной интеллигенціи, выходцевъ изъ мѣщанской и рабочей среды, которыхъ совѣтская республика призвала къ управленію государствомъ, производствомъ и всей жизнью народа. Окажется, что большевистская диктатура была лишь крайнимъ революціоннымъ средствомъ, необходимымъ для подавленія контръ-революціи и утвержденія демократическихъ завоеваній. Окажется, что октябрьское возстаніе большевики подняли затѣмъ, чтобы спасти отъ полной гибели развалившееся буржуазное государство путемъ созданія «рабоче-крестьянскаго отечества», чтобы предохранить отъ разгрома уже не дворянскія помѣстья, а цѣлые города, цѣлыя области, которымъ угрожали съ одной стороны голодныя массы города и деревни, а съ другой—милліоны бѣгущихъ съ фронта солдатъ.

Все, что остается отъ большевистской революціи, мало чѣмъ отличается отъ скромныхъ плановъ, какіе строили большевики за два—три мѣсяца до октябрьскаго перевороты. Въ брошюрѣ «Уроки революціи» Ленинъ нѣсколько разъ заявляетъ, что задачей большевиковъ является осуществленіе того, что хотятъ, но не умѣютъ сдѣлать эсэровскіе министры,—спасеніе Россіи отъ развала, что лишь буржуазные клеветники

хотят приписывать большевикам стремленіе создать въ Россіи рабочую, соціалистическую диктатуру (стр. 26, 27).

Въ двухъ еще болѣе позднихъ брошюрахъ—«Удержатъ-ли большевики власть», и «Грозящая катастрофа», объясняется, что задачей большевистской диктатуры и рабочаго контроля будетъ замѣна стараго бюрократическаго механизма новымъ народнымъ государственнымъ аппаратомъ, и изыскиваются самые фантастическіе способы, при помощи которыхъ можно было бы, не отнимая у буржуазіи ея богатствъ, принудить ее подчиняться и служить новому народному государству.

Итакъ, большевистская диктатура была задумана, какъ диктатура демократическая, которая не должна была подрывать основъ буржуазнаго строя. Послѣ октябрьскаго переворота нѣкоторыя предпріятія были объявлены національными путемъ декретовъ, исполненіе которыхъ, какъ извѣстно, не обезпечено. Нѣсколько десятковъ банкировъ лишились своихъ богатствъ, но въ общемъ и цѣломъ богатства Россіи остаются въ рукахъ буржуазіи, какъ основа ея силы и владычества.

Окопавшись на завоеванныхъ позиціяхъ, новоявленные коммунисты сыграютъ роль французскихъ буржуазныхъ демократовъ временъ великой революціи, роль славныхъ якобинцевъ, карьера которыхъ такъ сильно прельщаетъ большевистскихъ вождей и которыхъ они не прочь копировать, какъ въ лицахъ, такъ и въ учрежденіяхъ.

Французскіе якобинцы, въ свое время, создали почти такую же призрачную диктатуру французскихъ бѣдняковъ, какъ русскіе большевики. Чтобы уберечь народъ въ томъ, что «аристократы» и прочіе «контръ-революціонеры» подавлены, что столица и все государство въ рукахъ бѣдноты, якобинцы отдали богачей и аристократовъ подъ надзоръ массъ, и сами (напримѣръ министръ юстиціи Дантонъ въ сентябрьскіе дни) организовали кровавыя расправы съ врагами народа.

«Революціонные трибуналы» парижскихъ санкюлотовъ (бѣдняковъ) ежедневно приговаривали къ смерти нѣсколько десятковъ враговъ народа и парижскую бѣдноту усыпляли видомъ падающихъ на эшафотѣ головъ, заставляя ее забыть о своемъ рабствѣ и голодѣ, подобно тому, какъ въ настоящее время въ Россіи усыпляютъ рабочія массы арестами буржуевъ, захватомъ дворцовъ, зажиманіемъ рта буржуазной прессѣ и тому подобными террористическими зрѣлищами.

Несмотря на ужасы якобинскаго террора, просвѣщенная буржуазія скоро признала, что именно это крайнее теченіе спасло ее, закрѣпило завоеванія революціонной буржуазіи, спасло буржуазную революцію и государство отъ натиска всей контръ-революціонной Европы, возбудивъ безсмѣнную преданность «отечеству свободы, равенства и братства».

До тѣхъ поръ, пока богатства остаются въ рукахъ буржуазіи, Россія не перестаетъ быть государствомъ буржуазнымъ, сколько бы ни величали его большевики «соціалистическимъ отечествомъ», какія бы архинародныя формы управленія ни придумывали. Все, что они сдѣлали до сихъ поръ, это работа якобинцевъ, укрѣпленіе демократическаго государства, стремленіе привить массамъ глубочайшій самообманъ, будто съ октября владычеству эксплуататоровъ положенъ конецъ и всѣ богатства принадлежатъ рабочему народу, попытка разжечь въ демократической Россіи патріотизмъ французскихъ санкюлотовъ.

Объ этомъ мечтали большевики еще будучи пораженцами, еще до октябрьской революціи, когда объявили, что они лишь одни въ состояніи вызвать необходимый для обороны энтузіазмъ (Ленинъ «Грозящая катастрофа»). Объ этомъ они не переставали думать, ставъ оборонцами, хотя имъ и не удалось зажечь патріотическій огонь въ «заболѣвшей» арміи; объ этомъ они думаютъ теперь, провозглашая новую «отечественную» войну.

Господство рабочаго класса.

Власть, выпавшая изъ рукъ буржуазіи, никимъ образомъ не можетъ перейти и удержаться въ рукахъ такого неимущаго класса, какимъ остается рабочій классъ. Классъ неимущій и въ то же время господствующій—полнѣйшая нелѣпость. Это основная утопія марксизма, благодаря которой большевистская диктатура такъ легко и быстро становится демократической формой завершенія и укрѣпленія буржуазной революціи, становится россійской копіей якобинской диктатуры.

Власть, ускользающая изъ рукъ капиталистовъ и помѣщиковъ, можетъ быть захвачена только низшими слоями буржуазнаго общества, мелкой буржуазіей и интеллигенціей, которая, какъ обладатель знаній, необходимыхъ для организаціи и управленія всей жизнью страны, пріобрѣла и прочно обезпечила за собой право на берскіе доходы, право на долю награбленныхъ богатствъ, на долю національной прибыли. Но эти низшіе слои буржуазіи, вынудивъ у богачей демократическій строй, очень быстро возвращаются къ союзу и единенію съ ними. Власть возвращается къ совокупности имущихъ. Ибо власть не можетъ быть отдѣлена на продолжительное время отъ источника всякой власти—отъ накопленныхъ богатствъ.

Не слѣдуетъ ли изъ всего сказаннаго, что рабочимъ вообще надо отказаться отъ мысли о своемъ господствѣ? Ни въ какомъ случаѣ! Отказаться отъ господства значило бы отказаться отъ рево-

люціи. Побѣдная революція рабочаго класса и есть его господство.

Дѣло лишь въ томъ, что рабочій классъ не можетъ копировать буржуазную революцію, какъ это ему совѣтуетъ соц-дем-ская наука, по той простой причинѣ, что классъ, обреченный на рабскій паекъ, уже этимъ самымъ лишается возможности накоплять, подобно средневѣковой буржуазіи, богатства и знанія. У рабочихъ есть свой особый путь освобожденія отъ рабства. Чтобы сдѣлать свое господство возможнымъ, рабочій классъ долженъ разъ навсегда уничтожить господство буржуазіи, однимъ ударомъ выбить у нея изъ рукъ источникъ ея владычества, лишить ее фабрикъ, заводовъ, всего накопленнаго имущества, низвести богатыхъ до уровня людей, принужденныхъ трудиться.

Вотъ почему **экспропріація буржуазіи есть первый неизбѣжный шагъ рабочей революціи.** Но экспропріація лишь первый шагъ на пути освобожденія рабочаго класса. Экспропріація буржуазіи еще не приводитъ къ полному уничтоженію классовъ, не несетъ еще полнаго равенства.

Послѣ экспропріаціи крупной и средней собственности остается еще мелкое хозяйство въ городѣ и деревнѣ, на обобществленіе котораго потребуется не одинъ годъ. Остается, что еще важнѣе, интеллигенція. Хотя ея крупные барскіе доходы будутъ урѣзаны въ моментъ экспропріаціи буржуазіи, она все же не лишается возможности удержать для себя высшую оплату труда.

Такъ какъ интеллигенція остается по прежнему единственнымъ обладателемъ знаній, такъ какъ въ ея рукахъ, въ силу этого, остается управленіе государствомъ и производствомъ, рабочему классу предстоитъ упорная борьба съ интеллигенціей за повышеніе рабочей платы вплоть до уравненія ея съ интеллигентскимъ жалованіемъ.

Полное освобожденіе рабочихъ наступаетъ лишь тогда, когда появляется новое поколѣніе равно образованныхъ людей, неизбѣжно выростающее, разъ завоевана равная оплата ручного и умственнаго труда, разъ интеллигентъ и рабочій обладаютъ одинаковыми средствами на воспитаніе своихъ дѣтей.

Господство рабочихъ не можетъ предшествовать экспропріаціи богачей. Только съ момента экспропріаціи буржуазіи начинается господство рабочаго класса. **Рабочая революція принудитъ государственную власть** провести экспропріацію крупной и средней буржуазіи и узаконить произведенный рабочими захватъ фабрикъ, заводовъ и всѣхъ накопленныхъ богатствъ.

Марксистская диктатура.

По скольку въ октябрьскомъ переворотѣ дѣло шло о «рабоче-крестьянской» буржуазной революціи, о демократической диктатурѣ, старая большевистская телѣга, хоть съ трудомъ, но все же выбралась изъ демократическаго болота и вступила на новый путь. Но дальше дорога идетъ все круче въ гору. Предстоитъ «немедленное введеніе соціализма», громогласно возвѣщеннаго въ разогнанной учредилкѣ. Соціал-демократическая телѣга на крутыхъ подъемахъ трещитъ, пассажиры все чаще направляютъ тоскливые взоры въ сторону покинутаго болота. Противъ этого соблазна не можетъ устоять и самъ возница. Коммунисты возвращаются назадъ съ громкими криками: Довольно бунтовъ! Да здравствуетъ отечество! Усиленный трудъ рабочихъ! Желѣзная дисциплина на фабрикахъ и заводахъ!.

Съ дикимъ ликованіемъ встрѣчаетъ ихъ старая родня, сподвижники буржуазной революціи, съ новожизненцами и меньшевиками во главѣ.

— Вернулись, голубчики! Вздумали бунтовать противъ «объективнаго хода вещей», противъ буржуазной выучки! Захотѣли «немедленнаго осуществленія»! Вотъ и доказали сами, наипрекраснѣйшимъ образомъ, «невозможность».

Напрасно, однако, постоянные обитатели демократическаго болота такъ не въ мѣру ликуютъ. Отказъ большевиковъ отъ дальнѣйшихъ «соціалистическихъ экспериментовъ» доказываетъ лишь невозможность **для соціалдемократіи** низвергнуть буржуазный строй, а не объективную невозможность вообще, точнѣе говоря, невозможность для рабочаго класса успѣшной революціи противъ грабительскаго строя.

Большевики взяли на себя дѣло, превосходящее ихъ силы, **ихъ** рессурсы. Они задумали низвергнуть буржуазный строй, опираясь на соц-дем-ское ученіе. Но вѣдь это марксистское ученіе исповѣдуютъ вмѣстѣ съ ними «соглашатели» меньшевики въ Россіи, «имперторскіе соц-дем-ты» въ Германіи и Австріи, «соціалъ-патріоты» всѣхъ странъ. Это ученіе во всемъ мірѣ является гасителемъ революціи, усыпителемъ рабочихъ массъ, крѣпчайшими сѣтями, которыя опутываютъ умъ рабочихъ, опаснѣйшимъ оружіемъ образованной буржуазіи въ ея борьбѣ съ рабочей революціей.

Когда міровая соц-дем-тія дошла уже до того, что милліонныя арміи рабочихъ, набранныя для соціалистическаго освобожденія, спокойно отдавала на истребленіе военнымъ разбойникамъ, тогда два-три вождя большевизма рѣшались объявить соц-дем-тію «гнилымъ трупомъ». Но **ученіе соц-дем-тіи**, ея марксистскій соціализмъ, породившій этотъ «гнилой трупъ», остался для большевистскихъ бунтарей святымъ, незапятнаннымъ. Соц-дем-тія, оказывается, лишь «измѣнила» своему ученію. Правда, «измѣнники» насчитываются милліонами, а «вѣрныхъ» послѣдователей, въ моментъ русской революціи, одинъ только Ленинъ да, можетъ быть, Либкнехтъ. Всегда—да здравствуетъ святой марксистскій соціализмъ, истинный соціализмъ!.

Это обычная исторія соціалистическихъ раскольниковъ всего истекшаго столѣтія. Новаторъ

вынырнеть изъ соціалистическаго болота, но совсѣмъ не для того, чтобы найти выходъ изъ него для себя и для другихъ, а для осуществленія старыхъ завѣтовъ, для проведенія напр. якобинской резолюціи. Поэтому болото испытываетъ лишь легкое мѣстное колебаніе и скоро обрѣтаетъ свой блаженный застой. Соціалистическія свѣти, опутывающія умъ рабочихъ, удерживающія ихъ отъ рабочей революціи, не слабѣютъ отъ новшествъ «революціонныхъ» коммунистовъ, а лишь испытываются и крѣпнуть.

Лѣтъ двадцать тому назадъ большевики, какъ извѣстно, составляли вмѣстѣ съ Плехановыми, Гедами, Вандервельде и всѣми прочими нынѣшними соціалъ-патріотами единую солидарную социал-демократію. Тогда и было разработано для Россіи марксистское ученіе: марксистская философія, соціологія, политическая экономія, словомъ, тотъ марксистскій соціализмъ, который хоть и превратилъ соц-дем-тію въ «гнилой трупъ», однако, воплощенный въ большевизмъ, долженъ, какимъ-то чудомъ, низвергнуть буржуазію и осуществить полное освобожденіе рабочаго класса. Разработанный общими усиліями Плехановыхъ, Мартозыхъ, Лениныхъ русскій марксизмъ никогда не мыслилъ соціалистическій переворотъ, какъ свою реальную задачу. Онъ считалъ низверженіе буржуазнаго строя невозможнымъ въ наши дни и цѣликомъ передавалъ эту задачу будущимъ поколѣніямъ.

Русскій марксизмъ, какъ и западноевропейскій, занимался не вопросами низверженія буржуазнаго строя, а его развитіемъ, демократизаціей, совершенствованіемъ. Но въ отсталой царской Россіи марксистская любовь къ буржуазному строю достигла послѣднихъ своихъ предѣловъ. Съ началомъ новаго столѣтія нынѣшніе большевики и меньшевики до того, какъ раскололись на два конкуррирующихъ теченія, приняли слѣдующее непоколебимое рѣшеніе, одобренное соціалистами всего міра: верховная задача соціализма въ Россіи—проведеніе буржуазной революціи. Это значило: все напряженіе силъ, на какое только способны русскіе рабочіе, ихъ кровь, пролитая у Зимняго дворца, на улицахъ Москвы, всѣ жертвы карательныхъ экспедицій 1905—6 г.г. должны имѣть цѣлью созданіе обновленной прогрессивной буржуазной Россіи.

Провозглашенная Ленинымъ еще въ прошлую революцію «рабоче-крестьянская» диктатура, это соглашательское соединеніе марксизма съ эсъэровщиной, ничуть, конечно, не нарушаетъ соц-дем-ской заповѣди о недопустимости соціалистической революціи. Провозглашалась рабоче-крестьянская диктатура потому, что господство одного рабочаго класса признавалось невозможнымъ. Провозглашалась, въ духѣ нынѣшнихъ новожизненцевъ, диктатура буржуазной демократіи потому, что считалось недопустимымъ низверженіе буржуазнаго строя.

Такимъ оставался марксизмъ почти вплоть до октябрьской революціи. Своимъ могучимъ свѣтомъ онъ озарялъ путь какъ творцовъ буржуазной революціи 1905—6 г., такъ и соціалъ-патріотовъ февральской революціи. Онъ представлялъ для нихъ неисчерпаемое море драгоцѣннѣйшихъ указаній. Но наивно искать въ марксистскомъ ученіи подобныхъ указаній для низверженія буржуазнаго строя, для рабочей революціи. Тамъ не найдешь ничего, кромѣ перечня всѣхъ трудностей, всей опасности и преждевременности соціалистическихъ «экспериментовъ»; оттуда выносятъ лишь суевѣрный страхъ передъ соціалистическимъ переворотомъ, какъ величайшей въ мірѣ катастрофой, тотъ страхъ, который такъ ярко выразили Плехановы, Потресовы, Либерданы и, наконецъ, сами большевики, испугавшіеся Ленина, когда онъ бросилъ лозунгъ: немедленный соціализмъ.

Поистинѣ, надо было совершиться чуду, чтобы Ленинская затѣя была осуществлена его партіей и не сдѣлалась грандіознѣйшей въ исторіи революцій демагогіей. Надо было, чтобы буржуазный строй низвергали люди, всю свою жизнь внушавшіе себѣ и другимъ, что такой переворотъ невозможенъ. Надо было, чтобы всѣ большевистскіе работники, усвоившіе соціализмъ по учебникамъ Плеханова, Каутскаго, Бернштейна, которые требуютъ многолѣтняго демократическаго воспитанія рабочихъ массъ,—вдругъ, въ огнѣ революціи, создали новое ученіе, которое показало бы, что такая подготовка излишня. Надо было, чтобы многолѣтнія усилія, направленныя на использованіе рабочей борьбы для политическихъ буржуазныхъ переворотовъ, на предотвращеніе рабочей революціи, вдругъ превратились въ стремленіе вызвать эту революцію.

Но исторія такихъ чудесъ не знаетъ. Развертывающаяся въ настоящій моментъ измѣна большевиковъ лозунгамъ, которые были ими провозглашены въ октябрьской революціи, для нихъ, какъ марксистовъ, вполнѣ естественна.

«Научный соціализмъ», побѣждающій и впитывающій въ себя всѣ прочія соціалистическія школы, достигъ глубокой дряхлости, не давъ въ результатѣ всѣхъ своихъ битвъ ничего, кромѣ прогресса и демократизаціи буржуазнаго строя. Большевизмъ рѣшилъ воскресить коммунистическую юность марксизма, но лишь показалъ, что и въ этомъ изданіи марксизмъ ничего больше создать не въ состояніи. Допускать противное, вѣрить большевикамъ, что они на самомъ дѣлѣ рѣшили низвергнуть грабительскій строй, который защищаютъ ихъ родные братья, соціалъ-патріоты всего міра,—оказывается величайшей наивностью. Большевики сами такую наивную вѣру въ ихъ бунтарство грубо, жестоко уничтожаютъ.

Что же это за враги буржуазнаго строя, которые, укрѣпивъ свою самодержавную власть, по собственной волѣ отъ низверженія буржуазіи отказываются? Если они почувствовали «объективную невозможность» «задушить буржуазію»,

какъ-же они могутъ оставаться на занятомъ посту? Имъ стало быть все равно—быть ли выразителями воли рабочихъ, или исполнителями воли оставленнаго при жизни буржуазнаго общества?

Объяснять поведеніе большевиковъ простой нечистоплотностью политиканова было бы очень поверхностно. Дѣло въ томъ, что верховной цѣлью, отъ которой люди никогда не отказываются, которой никогда не измѣняютъ, въ достиженіе которой они побѣждаютъ или гибнутъ, такой верховной цѣлью для марксистовъ, даже для большевистскихъ коммунистовъ, является лишь демократизація существующаго строя, а не его разрушеніе.

Дѣло у большевистскихъ и соглашательскихъ марксистовъ одно. Разница между ними лишь въ томъ, что вторые идутъ къ демократизаціи буржуазнаго строя проторенными путями западоевропейскихъ конституціонныхъ государствъ въ то время, какъ первые рѣшились вызвать революцію даже противъ республиканскаго режима. Разница эта, однако, могла возникнуть только въ Россіи, когда величайшая въ мірѣ держава вслѣдствіе своей отсталости дошла до такого развала, что въ текущей войнѣ оказалась неспособной даже отстоять свое существованіе. Здѣсь завоеванная соціалистами-соглашателями республика оказалась неспособной защищать себя ни отъ ударовъ внѣшняго врага, ни отъ контръ-революціи. Передъ большевиками предстала грандіозная задача—перестроить государство на совершенно новыхъ, народныхъ началахъ, которыя явились бы источникомъ силы, необходимой для защиты демократіи отъ ея внутреннихъ и внѣшнихъ враговъ.

Въ поискахъ за самымъ сильнымъ оружіемъ для спасенія демократической революціи русскимъ соціалдемократамъ пришлось перерыть весь марксистскій арсеналъ. Это оружіе было, наконецъ, найдено большевиками въ идеѣ Марксовой диктатуры времени революціи 1848-50 г.г.

Шестимѣсячная диктаторская власть большевиковъ успѣла доказать неопровержимо, что возрожденная коммунистическая диктатура, какъ и весь столѣтній соціализмъ, не умѣетъ и не желаетъ низвергнуть грабительскій строй. Торжественно провозгласивъ въ учредительномъ собраніи немедленное осуществленіе соціализма, вырвавъ у кайзера спеціально для этой цѣли «передышку», большевистская диктатура, подойдя вплотную къ «экспропріаціи буржуазіи», инстинктивно останавливается и пятится назадъ передъ задачей, противорѣчащей всему ея существу.

Что же такое большевистская диктатура, неотказывающаяся жить послѣ своего коммунистическаго позора? Только демократическое средство спасенія буржуазнаго общества отъ грозящей ему гибели подъ развалинами старой государственности, лишь его перерожденіе въ новыхъ народныхъ формахъ, создать которыя могла только революція. Эта диктатура есть революціонное вторженіе въ русскую государственную жизнь самыхъ низшихъ народныхъ слоевъ буржуазнаго отечества, нынѣ освобождаемыхъ въ видѣ мелкихъ хозяйчиковъ въ деревнѣ, въ видѣ интеллигенціи народной и рабочей въ городѣ.

Въ качествѣ перваго и неотвратимаго шага для полнаго освобожденія рабочаго класса, для окончательнаго низверженія тысячелѣтняго грабительскаго строя изобрѣтатели коммунистической диктатуры подсунули рабочимъ средство, при помощи котораго, въ его наиболѣе классическомъ видѣ, буржуазные демократы великой революціи, французскіе якобинцы спасли и укрѣпили грабительскій строй. То обстоятельство, что средство якобинцевъ пускаютъ въ ходъ соціалисты, не дастъ ничего сверхъ такихъ-же буржуазныхъ плодовъ, ибо первая задача всякаго современнаго соціалиста—не допустить немедленнаго низверженія буржуазіи, не допустить рабочей революціи.

Уже въ началѣ третьяго мѣсяца большевистской диктатуры наиболѣе умные представители русскихъ богачей (Рябушинскіе въ «Утрѣ Россіи») заявляютъ, что большевизмъ опасная болѣзнь, которую, однако, надо терпѣливо вынести, ибо она несетъ ихъ возлюбленному грабительскому отечеству спасительное перерожденіе и могущество. Тѣ же умные буржуа предпочитаютъ Ленина, разнуздавшаго «чернь», Керенскому, запинавшему ихъ отъ «взбунтовавшихся рабовъ». Почему? Потому что Керенскій распатланную власть сталъ лавированьемъ и нерѣшительностью ослаблять еще болѣе, между тѣмъ какъ Ленинъ прежнюю слабую скомпрометированную власть, какъ негодную, уничтожилъ съ корнемъ и открылъ источникъ новой сильнѣйшей власти, за которой русскій рабочій призналъ самодержавныя права.

Рябушинскіе, которые хорошо знаютъ и высоко цѣнятъ марксизмъ, очень скоро убѣдились, что диктатура «черни» не сойдетъ съ пути этого почтеннаго соціалпатріотическаго ученія, и поняли, что сильнѣйшая большевистская власть можетъ раньше или позже стать ихъ достояніемъ, хотя и раздѣленнымъ со вновь выросшими властителями, съ освобожденными низами буржуазнаго общества.

Рябушинскіе давно могли отмѣтить слѣдующія несомнѣнныя и радостныя для нихъ явленія: 1. Въ рукахъ большевистскихъ диктаторовъ соціализмъ не перестаетъ быть той пѣснью, подъ звуки которой массы идутъ на борьбу за возрожденіе буржуазной родины. 2. Соціалистическая диктатура есть лишь агитаціонное, демагогическое средство для проведенія диктатуры демократической. Подобіе первой допущено коммунистами лишь на короткій моментъ для утвержденія второй, для укрѣпленія и украшенія ея рабочими мечтаніями и иллюзіями. 3. Демократической диктатурѣ и рождающейся въ ней новой русской государственности

сообщается доля того революціоннаго могущества, къ которому стремятся массы въ своихъ рабочихъ возстаніяхъ. Означенные выводы слѣдуютъ неотвратимо изъ всей исторіи большевистской «рабоче-крестьянской» диктатуры.

Большевизмъ цѣлые годы, еще со времени прошлой революціи, готовилъ свою партію къ диктатурѣ завѣдомо мелко-буржуазной, въ которой милліоны крестьянъ, стремящихся къ положенію мелкихъ хозяйчиковъ, должны парализовать стремленіе рабочаго класса къ немедленной рабочей революціи, къ скорѣйшему уничтоженію всякаго частнаго хозяйничанья. Эту мелкобуржуазную диктатуру большевики установили октябрьскимъ переворотомъ, призвавъ къ власти не только рабоніе, но и крестьянскіе, и солдатскіе совѣты депутатовъ, включающіе въ достаточной мѣрѣ мелкобуржуазные элементы. Да и рабочіе совѣты получили власть лишь тогда, когда предварительно сами оказались во власти большевиковъ, утверждающихъ демократическую диктатуру.

Построивъ совѣтскую власть на завѣдомо мелкобуржуазномъ основаніи, большевики, подобно всѣмъ прочимъ демократамъ, стремятся заполучить отъ рабочихъ признаніе этой власти чисто рабочимъ господствомъ, рабочей диктатурой. Съ этой цѣлью безбоязненно разжигаются рабочія возстанія по всей Россіи. Это, какъ теперь объясняютъ сами коммунисты, «агитаціонный», а проще говоря демагогическій періодъ большевистской диктатуры. Безпощадно разрушаются всѣ старыя и новыя буржуазныя формы: офицерская каста, армія, суды, «самоуправленія», даже учредилка. По анархистски, бокъ о бокъ съ анархистами производятся экспропріаціи, налагаются контрибуціи, терроризируется буржуазія. Подъ конецъ такого «агитаціоннаго» періода большевикамъ удается водрузить надъ своей демократической лачугой широковѣщательную вывѣску: соціалистическое отечество.

Рабочія массы, которыя геройски дрались по цѣлымъ недѣлямъ во всѣхъ болѣе значительныхъ пунктахъ Россіи, не могли, конечно, догадаться, что они переживаютъ лишь «агитаціонный» періодъ своей диктатуры, что скоро онъ смѣнится «дѣловымъ» періодомъ сотрудничества съ фабрикантами и промышленниками, что ими лишь играютъ, что имъ лишь позволили «погулять».

Въ рабочихъ возстаніяхъ рождалось и крѣпло стремленіе къ полному подавленію буржуазіи, къ утвержденію рабочей воли, которая въ своемъ могуществѣ, въ своемъ самодержавіи низвергаетъ старый грабительскій міръ. Всемогущество, самодержавіе рабочей воли присвоила себѣ мелкобуржуазная большевистская диктатура и строитъ теперь новую, крѣпкую «народную» государственность для буржуазнаго образованнаго общества.

Съ этого момента въ Россіи родился истинный выразитель воли рабочаго класса, большевистскій коммунизмъ, завоеватель государственной власти, воплотившейся въ центральной совѣтской власти.

Рабочимъ массамъ нечего безпокоиться: по увѣреніямъ большевиковъ, всѣ ихъ достижимыя требованія и пожеланія совѣтское государство, исполнитель ихъ воли, немедленно осуществитъ.

Но отнынѣ должна исчезнуть всякая борьба рабочихъ съ государствомъ и его законами, ибо совѣтское государство есть рабочее государство. Борьба съ нимъ была бы преступнымъ бунтомъ противъ воли всего рабочаго класса. Такую борьбу могли бы затѣять только хулиганскіе, зловредные, преступные элементы рабочей среды.

Такъ какъ рабочій контроль, по мнѣнію большевиковъ, вручаетъ рабочимъ полную власть на фабрикѣ, то забастовки теряютъ свой смыслъ и поэтому запрещаются. Запрещается вообще всякая борьба противъ рабской оплаты ручного труда.

Воля рабочихъ, если она проявляется помимо или противъ совѣтскихъ учрежденій, преступна, ибо не признаетъ воплощенной въ совѣтской власти воли всего рабочаго класса. Такъ всѣ слои рабочихъ съ нищенскимъ, голоднымъ заработкомъ, если они объявятъ совѣтскую власть властью сытыхъ,—будутъ элементомъ хулиганскимъ, такъ безработные, если они не пожелаютъ дальше терпѣть муки голода и ждать безропотно голодной смерти—будутъ элементомъ преступнымъ, и поэтому уже теперь лишаются права на особую организацію.

Передъ лицомъ съ одной стороны богачей, ведущихъ по прежнему сытую жизнь паразитовъ, съ другой безработныхъ, обреченныхъ на муки голода, совѣтская власть утверждаетъ свои верховныя права, стремится обезпечить безусловное подчиненіе существующимъ законамъ, преслѣдуетъ всякое нарушеніе «общественнаго порядка и безопасности». Всякія волненія, бунты, возстанія объявляются контръ-революціонными и подлежатъ безпощадному подавленію вооруженной совѣтской силой.

Верховныя права совѣтской коммунистической власти очень скоро ничѣмъ не будутъ отличаться отъ верховныхъ правъ всякой государственной власти въ существующемъ грабительскомъ строѣ. Разница лишь въ названіи: во всѣхъ «свободныхъ» странахъ — государственная власть именуетъ себя господствомъ «воли народа», а въ Россіи — господствомъ «воли рабочихъ». Пока буржуазный строй не разрушенъ, коммунистическая «воля рабочихъ» такой же звукъ пустой, такая же ложь, какъ демократическая «воля народа». Пока грабители существуютъ, ихъ воля, воля всѣхъ имущихъ, а не рабочихъ, раньше или позже воплотится въ большевистскую государственность. Этотъ процессъ воплощенія коммунисты уже начинаютъ, откровенно заявляя, что желѣзная диктатура нужна не для дальнѣйшей «ломки капитализма», а для дисциплинированія рабочихъ, для завершенія ихъ выучки,

начатой, но не законченной капиталистами, говидимому, вслѣдствіе «преждевременнаго» взрыва соціалистической революціи. Усмиривъ при помощи рабочихъ контръ-революцію, большевистская диктатура обращается теперь противъ рабочихъ массъ.

Верховныя права, принадлежащія всякой государственной власти, должны обладать абсолютной силой закона, опирающагося на военную силу. Демократія, вырастающая изъ большевистской диктатуры, и въ этомъ отношеніи не окажется позади прочихъ государствъ. Она будетъ, наравнѣ съ ними, распоряжаться не только свободой, но и жизнью всѣхъ своихъ подданныхъ, будетъ усмирять какъ отдѣльныхъ бунтовщиковъ, такъ и бунты массъ.

Создаваемая большевиками «соціалистическая» армія обязана защищать совѣтскую власть, независимо отъ всѣхъ поворотовъ, какіе заблагоразсудится продѣлать направленіямъ большевистскаго центра. Прекращается ли совершенно экспропріація богачей, какъ рѣшено въ настоящій моментъ, наступитъ ли еще болѣе тѣсное примиреніе съ буржуазіей; пойдетъ ли большевистская диктатура впередъ къ соціализму или назадъ къ капитализму, она одинаково считаетъ себя въ правѣ налагать военную повинность на рабочій классъ.

Рабская обязанность, которая возложена на рабочій классъ всѣми грабительскими государствами, обязанность защищать на войнѣ своихъ угнетателей и ихъ богатства—не исчезла въ совѣтской республикѣ. Здѣсь расчитываютъ къ этой рабской обязанности заново пріучить рабочихъ, выставляя ее какъ особое довѣріе, оказываемое рабочему классу, который, молъ, одинъ заслуживаетъ чести проливать свою кровь за государство, украшенное пустой лживой кличкой «соціалистическаго отечества». Въ награду за столь великую честь соціалистическіе солдаты, какъ надѣются большевики, проявятъ въ ближайшемъ будущемъ противъ захватчиковъ россійскихъ земель такой же воинственный пылъ, какъ армія конвента, директоріи, Наполеона.

На внутреннемъ фронтѣ соціалистическія войска обязаны защищать совѣтскую власть не только отъ контръ-революціонныхъ бѣлогвардейцевъ, калединцевъ, корниловцевъ, рады. Съ первыхъ же дней октябрьскаго переворота они учатся «кровью и желѣзомъ» защищать собственность, разстрѣливая на мѣстѣ воровъ и громилъ. Коммунистическіе вояки теперь упражняются въ наведеніи дисциплины и порядка, звѣрски расправляясь со вчерашними своими товарищами, анархистами, съ матросами, которымъ не дано даже времени сообразить, что при новомъ курсѣ коммунистическое правительство не нуждается больше въ красноармейскомъ разгулѣ и разстрѣливаетъ сегодня за то, что поощряло вчера. Соціалистическіе воины, пройдя такую школу, повинуясь измѣнчивымъ приказамъ своего начальства, не откажутся, повидимому, насаждать «трудовую революціонную дисциплину» на фабрикахъ, усмирять голодные бунты, подавлять волненія рабочихъ и безработныхъ.

Пока рабочая масса не подымется вновь на борьбу, предъявляя свои опредѣленныя рабочія требованія, пока такимъ образомъ не будетъ положенъ конецъ всѣмъ «новымъ курсамъ» и увертками большевистскихъ диктаторовъ, буржуазная демократическая государственность будетъ безпрепятственно развиваться, быстро вырашивая всѣ орудія гнета и насилія надъ голодными, ограбленными и порабощенными.

Итакъ, марксистская диктатура въ Россіи, разрушивъ до основанія старое, безсильное государство, создаетъ новую, крѣпкую народную государственность для буржуазнаго общества.

Всѣ революціонные опыты русскихъ марксистовъ доказали, что «научный соціализмъ», вдохновитель соціалистическаго движенія всего міра, не умѣетъ и не хочетъ низвергнуть буржуазный строй. Мало того—въ глубокой соціальной революціи, которая стала неизбѣжной для Россіи, и, какъ эпилогъ міровой войны, можетъ сдѣлаться неизбѣжной во всѣхъ странахъ, марксистскій соціализмъ указываетъ буржуазной демократіи всего міра испытанный путь спасенія грабительскаго строя, даетъ ей неоцѣнимое средство предохраненія его отъ рабочихъ революцій.

Интеллигентская контръ-революція.

Захватъ государственнаго аппарата является для соц-дем-тіи до такой степени рѣшающимъ моментомъ въ рабочей революціи, что однимъ этимъ актомъ буржуазный строй уже низвергается. Разъ большевистскій переворотъ признанъ рабочими, и совѣтская власть всюду утверждена, уже этимъ самымъ вся Россія со всѣми ея богатствами становится достояніемъ рабочихъ. Такъ какъ съ разгономъ учредительнаго собранія и всѣхъ прочихъ демократическихъ учрежденій, выбранныхъ всѣмъ населеніемъ, капиталисты лишаются даже элементарнѣйшихъ правъ и какого бы то ни было участія въ законодательной дѣятельности государства, стало быть, убѣждаютъ большевики, буржуазія совершенно обезоружена и лишена всякой силы и возможности оказать сопротивленіе «диктатурѣ рабочаго класса».

Однако, уже на второй день послѣ октябрьскаго переворота буржуазія убѣдительнымъ образомъ напомнила, что у нея отнимается лишь частица власти, что никакой политическій переворотъ не въ силахъ отнять у нея всю власть, что никакая государственная власть рабочихъ никакими политическими средствами, никакими гоненіями и терроромъ сломить ея не можетъ, не можетъ лишить ее силы и средствъ успѣшно сопротивляться.

Ударъ, полученный большевиками въ корнѣ

же дни диктатуры, былъ для нихъ совершенно неожиданъ. Онъ былъ тѣмъ болѣе чувствителенъ, что не сами капиталисты его наносили, а тотъ особый классъ буржуазнаго общества, который до сихъ поръ причислялся всѣми соціалистами, и большевиками въ томъ числѣ, къ лагерю «трудящихся», который ими всегда защищался отъ «клеветническихъ», «злостныхъ» обвиненій въ буржуазности.

Въ защиту буржуазнаго строя, противъ Ленинскихъ угрозъ низверженія его, выступила интеллигенція. Она выступила какъ армія «работниковъ» со своими «трудовыми» профессіональными союзами, съ «рабочимъ» орудіемъ борьбы, забастовкой, и огласила весь міръ воплями и жалобами на банду большевиковъ, которая угнетаетъ и терроризируетъ ихъ, «честныхъ тружениковъ».

Отпоръ интеллигенціи былъ такъ силенъ, что чуть было не раскололъ большевистскую партію, чуть не провалилъ всю ихъ диктатуру: сердобольная большевистская интеллигенція отказывалась пускать въ ходъ крутыя мѣры по отношенію къ столь близкой ея сердцу «трудящейся массѣ» саботирующихъ служащихъ.

Рабочихъ, напротивъ, не удивила интеллигентская забастовка, ибо они считаютъ сытую интеллигенцію той же буржуазіей. Имъ не надо доказывать, что интеллигенція буржуазный классъ. Они хорошо видятъ и чувствуютъ, что привиллегированные, часто барскіе доходы интеллигенціи проистекаютъ изъ той же эксплоатаціи ручного труда, держатся на рабскомъ голодномъ пайкѣ рабочихъ. Рабочіе знаютъ, что господскіе доходы интеллигентовъ составляютъ часть прибыли, выкачанной изъ нихъ предпринимателемъ и предоставляемой управляющимъ, директорамъ, инженерамъ, часть труда ихъ, выкачаннаго государствомъ въ видѣ налоговъ для обезпеченія господскаго содержанія всѣмъ привиллегированнымъ служащимъ. Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что вся эта буржуазная братія забунтовала вмѣстѣ съ капиталистами и помѣщиками противъ рабочей революціи, первымъ дѣломъ которой является уничтоженіе всѣхъ барскихъ доходовъ. Что же касается интеллигентской мелюзги, то она пошла за сытой интеллигенціей просто въ силу глупаго чванства и буржуазныхъ предразсудковъ, какъ оборванный хозяйчикъ лѣзетъ за богачемъ.

Совершенно опеломляющее дѣйствіе интеллигентскій саботажъ оказалъ на большевистскую интеллигенцію. Вѣдь интеллигенты большевики всю свою жизнь вмѣстѣ со всѣми прочими соціалистами учили, что соціализмъ есть освобожденіе всего «пролетаріата», не только рабочихъ, но и интеллигенціи. Какимъ же образомъ теперь осуществлять соціализмъ противъ единодушной воли всей интеллигенціи и объявить ей такую же войну, какъ капиталистамъ и помѣщикамъ?

Октябрьскій переворотъ, поднятый большевистскимъ призывомъ къ немедленному осуществленію соціализма, достигъ въ могущественномъ народномъ возстаніи невиданной глубины и представлялъ для буржуазіи смертельную опасность. Правда, власть очутилась въ рукахъ марксистовъ, извѣстныхъ своимъ умѣніемъ удерживать рабочіе бунты въ безопасныхъ для буржуазіи рамкахъ. Но эти большевистскіе марксисты словно были подмѣнены. Они безъ заботно раздуваютъ пожаръ возстаній, не думая о всей трудности потушить его. Ихъ ближайшіе товарищи меньшевики увѣряютъ, что ленинцы изъ марксистовъ превратились въ настоящихъ анархистовъ.

Въ самомъ дѣлѣ, большевистскіе вожди такъ смѣло, такъ превосходно сыграли первые акты своего «агитаціоннаго» періода, что нагнали не мало страху на буржуазное общество. Невольно рождалась мысль: не поддадутся ли диктаторы революціонной стихіи, не употребятъ ли захваченной власти для дѣйствительнаго уничтоженія буржуазнаго строя?

Соціалисты этого не знаютъ, а богачи инстинктивно чувствуютъ, что возможенъ ударъ, смертельный для грабительскаго строя. Предохранить себя отъ такого удара, не дать революціоннымъ массамъ нащупать его сдѣлалось для буржуазіи вопросомъ жизни. Эту задачу цѣликомъ выполнилъ саботажъ и забастовки интеллигенціи.

Если нѣкоторые большевики искренне увлеклись неслыханнымъ революціоннымъ подъемомъ рабочей стихіи и стали иногда вырываться изъ предѣловъ марксистскаго кругозора, если отъ времени до времени они дѣйствительно задумывались надъ вопросомъ, какъ «додушить буржуазію», то интеллигентскій саботажъ окончательно подрѣзывалъ крылья ихъ исканіямъ, воскрешалъ въ ихъ памяти заученныя формулки о «невозможности немедленнаго осуществленія соціализма», толкалъ ихъ мысль къ обычной марксистской постепеновщинѣ «соціалистическаго строительства».

Сильно напуганная въ первый моментъ октябрьской революціи, буржуазія скоро замѣтила, что нѣтъ основаній отчаиваться. Въ самомъ дѣлѣ. Лишенная государственной власти, оглушенная всенароднымъ возстаніемъ, она въ ужасѣ ждала конца; и вдругъ ей объявляютъ, что конецъ ея ни въ какомъ случаѣ не будетъ мгновеннымъ, а напротивъ, очень продолжительнымъ, постепеннымъ, по всѣмъ соціалистическимъ правиламъ, согласно безошибочнымъ методамъ научнаго соціализма, что конецъ ея наступитъ почти безболѣзненно въ видѣ постепеннаго соціалистическаго строительства. Но и само это строительство начнется не сразу; необходима, согласно безошибочной марксистской практикѣ, предварительная подготовка въ «рабочемъ контролѣ».

У современнаго научнаго соціалиста для низверженія буржуазнаго строя нѣтъ другой

программы, кромѣ постепенной націонализаціи орудій производства. Начать надо отъ наиболѣе отвѣчающихъ всѣмъ требованіямъ «концентраціи», созрѣвшихъ для обобществленія отраслей, на нихъ научиться, провѣрить и доказать правильность соціалистическаго метода строительства, и потомъ уже приступить къ дальнѣйшимъ націонализаціямъ. Эта программа, выдуманная соглашательскимъ соціализмомъ для того, чтобы упраздненіе капиталистическаго производства произошло безъ насилія, безъ возстаній, путемъ «врастанія» капитализма въ соціализмъ, эта научная программа оказывается дѣтски безпомощной въ моментъ революціи. Подходять со всѣми научными предосторожностями къ гигантскому организму буржуазнаго производства и послѣ долгихъ колебаній отсѣкають одинъ суставъ. Ждуть пока рана заживетъ, чтобы приступить съ тою же постепенностью къ ампутаціи слѣдующихъ по очереди членовъ. Но вѣковое грабительское общество даже въ моментъ разоруженія его стража, государственой власти, не арена для соціалистическихъ строителей, не лабораторія для научныхъ опытовъ. Это арена вѣковой классовой борьбы, соціальной войны, и безконечно наивенъ тотъ побѣдитель, который не лишаетъ побѣжденнаго, первымъ дѣломъ, источниковъ его могущества.

Научная программа постепеннаго соціалистическаго строительства—это программа опутыванія и дураченія рабочихъ массъ, соціалистическая красная тряпка, толкающая рабочихъ къ буржуазнымъ и мелкобуржуазнымъ диктатурамъ, это усыпитель массъ, гаситель рабочей резолюціи. Такова роль соціализма во всемъ мірѣ, такова роль большевистскаго коммунизма въ октябрьскомъ переворотѣ.

На третьемъ мѣсяцѣ большевистской диктатуры интеллигентскіе забастовщики и саботажники стали отступать. Но лишь самые правые большевики могли по этому поводу трубить побѣду. Интеллигенція перестала бунтовать потому, что большевизмъ оказался совсѣмъ не столь страшнымъ, какъ представлялось въ октябрьскіе дни. Всѣ стали понимать, что объявленное уравненіе доходовъ интеллигента и рабочаго, что всѣ подобнаго рода декреты и угрозы не болѣе, какъ демагогія для привлеченія рабочихъ массъ. Всѣ увидѣли, что большевистскія націонализаціи не обнаруживаютъ твердаго непреклоннаго стремленія упразднить буржуазный строй, что это лишь «соціалистическіе эксперименты», которые образованное общество, своимъ разумнымъ пріятіемъ большевистской власти, можетъ замедлить и даже пріостановить. Вотъ почему буржуазія сочла излишней дальнѣйшую оплату забастовщиковъ, вотъ почему саботажники проявили готовность примириться съ совѣтской властью.

Но отступленіе саботажниковъ вовсе не значитъ, что въ случаѣ возобновленія большевистскихъ соціализацій, особенно при націонализаціи важнѣйшихъ отраслей крупной промышленности, составляющей основу буржуазнаго хозяйства, интеллигенція не будетъ больше бунтовать. Всякій большевикъ, вѣроятно, понимаетъ, что при первой попыткѣ экспропріировать промышленниковъ и урѣзать высокіе доходы спеціалистовъ въ любой отрасли крупнаго производства, при попыткѣ, обнаруживающей стремленіе низвергнуть капиталистическій строй, несомнѣнно вновь вспыхнетъ забастовка служащихъ, съ тою же цѣлью вызвать полнѣйшій провалъ «хозяйничанья рабочихъ». Что же дѣлать? Какъ приступить къ націонализаціямъ въ виду такой опасности?

Для подавленія интеллигентскаго саботажа соціаль-демократическая программа большевиковъ ничего не въ состояніи выдумать. Интеллигентской массы забастовщиковъ не сломить грознымъ терроромъ или наивной неосуществимой угрозой лишенія продовольственныхъ карточекъ.

Вся суть вопроса заключается въ томъ, что борьба съ интеллигенціей вообще противорѣчитъ всякой соціалистической программѣ. Соціалисты обязаны защищать интеллигенцію, а не бороться съ ней. Какъ бы враждебно ни выступала она противъ рабочихъ, у соціалистовъ, и у большевиковъ въ томъ числѣ, она должна оставаться «частью пролетаріата», которая лишь развращена и опутана буржуазными предразсудками.

Несмотря на то, что въ рѣшительные моменты интеллигенція всегда оказывалась, какъ въ октябрьскіе дни, не менѣе жестокимъ и упорнымъ врагомъ рабочей революціи, чѣмъ сами капиталисты, она, по убѣжденію соціалистовъ, лишь **измѣняетъ** своимъ пролетарскимъ интересамъ, лишь **временно заблуждается**, но не можетъ быть объявлена классовымъ врагомъ рабочихъ. Большевикъ можетъ лишь урезонивать интеллигенцію, но никогда не смѣетъ объявлять ей непримиримую борьбу. Большевикъ, какъ «настоящій» «истинный» соціалистъ, какъ защитникъ и выразитель интересовъ интеллигенціи, никогда не сдѣлается ея врагомъ. Волю капиталистовъ онъ позволяетъ себѣ подавлять, съ волею интеллигенціи онъ долженъ считаться. Разъ вся интеллигенція единодушно протестуетъ противъ «соціалистическихъ экспериментовъ», большевикъ обязанъ принять во вниманіе эту интеллигентскую волю и пріостановить, или, по крайней мѣрѣ, замедлить борьбу съ капиталистическимъ строемъ.

Марксистская мысль большевиковъ, ищущая пути къ дальнѣйшимъ націонализаціямъ, подъ давленіемъ непреодолимаго для нея интеллигентскаго саботажа, фатально обрекается на безпомощное барахтанье въ заплесневѣлыхъ соціалистическихъ утопіяхъ.

Распропагандировать и перетянуть на свою сторону всѣхъ нужныхъ инженеровъ и техни-

ковъ? Или создавать на всяческихъ рабочихъ курсахъ кадры необходимыхъ для производства спеціалистовъ? Но вѣдь русская или иностранная буржуазія, раньше чѣмъ дождешься плодовъ отъ подобнаго рода затѣй, задавитъ революцію.

Выжидать пока рабочіе комитетчики, выполняя рабочій контроль, попутно, быть можетъ, усвоятъ науку инженеровъ, химиковъ и другихъ спеціалистовъ? И эта сказка хороша, когда дѣло идетъ о пустыхъ обѣщаніяхъ и приманкахъ, но не о дѣйствительномъ веденіи высоко развитого производства.

Въ октябрьской революціи большевики надѣялись, какъ надѣются всегда при своихъ «атакахъ» на капиталъ всѣ соціалисты, оторвать интеллигенцію отъ буржуазіи. Но интеллигенція со всѣми энъ-эсами, эсъ-эрами, меньшевиками стояла горой за буржуазный порядокъ и поднята дикій вопль противъ рабочей революціи. Въ результатѣ, конечно, большевики интеллигенцію за собой не потянули, а сами отступили передъ ней, передъ ея родителемъ и кормильцемъ-буржуазнымъ строемъ. Вслѣдъ за каждымъ новымъ отпоромъ со стороны интеллигенціи, большевикъ растерянно повторялъ: очевидно мы слишкомъ быстро мчимся впередъ. Въ замедленіи шага, въ еще большемъ ослабленіи натиска на буржуазію онъ видѣлъ исходъ и залогъ успѣха. Онъ думалъ найти рѣшеніе, удаляясь отъ него все больше.

Какъ ни растягивай экспропріацію буржуазіи, при каждомъ серьезномъ шагѣ въ этомъ направленіи неизбѣжно вспыхнетъ забастовка интеллигентовъ въ силу очень простого обстоятельства, въ силу наинѣйшаго способа экспропріаціи буржуазіи въ разсрочку. Большевистскіе экспропріаторы лишаютъ имущества одну группу собственниковъ, оставляя нетронутыми богатства всей буржуазіи. Эти то богатства и служатъ вполнѣ достаточнымъ фондомъ для содержанія интеллигентовъ—саботажниковъ въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ.

Соціалистъ никакъ не можетъ догадаться, что при полной экспропріаціи буржуазіи отколоть интеллигенцію отъ капиталистовъ не возможно. Все дѣло въ одновременномъ нападеніи на тѣхъ и другихъ, въ одновременной всеобщей экспропріаціи, которая однимъ ударомъ прекращаетъ существованіе крупной и средней буржуазіи и тѣмъ самымъ пресѣкаетъ возможность сопротивленія интеллигентовъ, возможность ихъ продолжительныхъ забастовокъ за счетъ капиталистовъ.

Итакъ, для соц.-демократа большевика, натолкнувшагося на сопротивленіе интеллигенціи, низверженіе буржуазнаго строя представляетъ непреодолимыя трудности. Теперь онъ вновь, послѣ октябрьскихъ увлеченій, согласится съ меньшевиками и эс-эрами, что «немедленное осуществленіе соціализма невозможно». Коммунистъ большевикъ принужденъ вернуться къ вульгарнѣйшей соціалистической баснѣ о томъ, какъ рабочія массы, оставаясь въ неволѣ пожизненнаго ручного труда, въ отдаленномъ будущемъ несомнѣнно сравняются въ знаніяхъ съ интеллигенціей путемъ усиленнаго развитія культурно-просвѣтительныхъ организацій и народныхъ университетовъ.

Большевизмъ бросилъ буржуазіи смертельную угрозу, но исполнить ее не сумѣлъ и не захотѣлъ. Онъ отступилъ передъ волей интеллигенціи.

Россійская интеллигенція, извѣстная своимъ бунтарствомъ, чуть ли не сплошь соціалистическая, руководимая недавними революціонерами въ мученическихъ вѣнцахъ, благородная русская интеллигенція спасла буржуазію отъ гибели, спасла ее отъ рабочей революціи.

Но интеллигенція не желаетъ прославлять этой своей побѣды. Ей надо, чтобы рабочіе поскорѣй забыли о ея буржуазныхъ заслугахъ, ибо она хочетъ остаться по прежнему вѣрнѣйшимъ другомъ рабочаго класса, и мечтаетъ о томъ, чтобы на протяженіи столѣтій буржуазнаго прогресса вести его къ «разумному соціализму».

Равнымъ образомъ и большевики не особенно склонны вспоминать о буржуазныхъ подвигахъ интеллигенціи въ октябрьской революціи. И для нихъ, какъ видно, интеллигенція должна остаться частью пролетарской арміи. Сколько бы рабочихъ ни перестрѣляла интеллигентская бѣлая гвардія, сколько бы интеллигенція ни бастовала противъ рабочей революціи, большевики ее буржуазнымъ классомъ никогда не сочтутъ.

Съ вдохновителями бѣлогвардейцевъ и саботажниковъ, со всякими энъ-эсами, эс-эрами, меньшевиками, со всѣмъ «соціалистическимъ фронтомъ» большевики всегда останутся въ неразрывномъ родствѣ, какіе бы потоки крови ни пролилъ рабочій классъ, защищая тѣхъ-же большевиковъ отъ ихъ соціалистическихъ противниковъ.

Въ силу неразрывной связи съ интеллигенціей большевики предприняли генеральное отступленіе и, несмотря на грызню съ меньшевиками и эс-эрами, конечно, вернутся въ лоно общей соціалистической семьи и постараются собственными руками засыпать ту пропасть, которая образовалась въ результатѣ кровавой борьбы между соглашателями и большевистскими массами въ теченіе минувшей зимы.

Зачѣмъ, скажутъ они, вспоминать о ненависти, жестокости бѣлогвардейцевъ и саботажниковъ, разъ они теперь раскаялись и идутъ на службу къ рабоче-крестьянскому правительству? Почему не постараться забыть злобные выкрики интеллигенціи: долой «мякинный» соціализмъ! долой господство рабочихъ!

Съ другой стороны, слѣдуетъ ли настаивать

БИБЛІОТЕКА
ИМЭЛ
при ЦК ВКП(б)

на требованіяхъ, въ пылу борьбы преувеличенныхъ? Вѣдь нельзя же было серьезно думать о немедленной рабочей революціи въ Россіи! Дѣло шло о рабоче-крестьянской диктатурѣ, вспомнить большевикъ, о диктатурѣ демократической, которая признается и новожизненцами и всякими другими «интернаціоналистами». Развѣ рабочіе могли ожидать немедленнаго исчезновенія буржуазіи? Нѣтъ, дѣло шло только о рабочемъ контролѣ, обуздывающемъ самодержавіе капиталиста. Нельзя было также думать о немедленномъ и полномъ осуществленіи соціализма. Отстоять надо лишь возможность черезъ Ленинскій «государственный капитализмъ» строить соціалистическое отечество. А развѣ эс-эры и меньшевики станутъ отвергать такое соціалистическое отечество? Напротивъ, рабоче-крестьянское строительство слишкомъ ужъ похоже на крестьянско-буржуазное строительство Черновыхъ и рабоче-буржуазное строительство Либердановъ, этихъ несомнѣнныхъ соціалистовъ.

Когда оцѣнка рабочихъ возстаній и гобдѣ выражена въ той фальшивой монетѣ, которая называется соціализмомъ, рабочіе всегда оказываются обсчитанными, къ общему удовольствію всѣхъ интеллигентскихъ партій. Рабочіе, повѣривъ интеллигенту, все еще считаютъ соціализмъ самымъ цѣннымъ чистымъ золотомъ въ то время, какъ въ лучшемъ случаѣ, это простѣйшая мѣдь.

Экспропріація буржуазіи.

Съ первыхъ шаговъ рабочей революціи—въ обществѣ должны исчезнуть дармоѣды, всѣ члены общества должны работать. Рабочая революція достигнетъ этого результата не тѣми грубыми, примитивными мѣрами, которыя затѣваетъ большевистское правительство, не «всеобщей трудовой повинностью», за исполненіемъ которой должна слѣдить та или иная полиція, въ данномъ случаѣ красногвардейцы.

Рабочая революція заставитъ богачей работать, отнявъ у нихъ богатства, дающія имъ возможность бездѣльничать.

Совѣтская власть, чувствуя, что рабочіе жгутъ отъ «своей рабочей диктатуры» принуждевія богачей къ труду, не находитъ другого средства, какъ принудительная трудовая повинность, умѣетъ лишь подражать воюющимъ государствамъ, которыя вводятъ трудовую повинность для защиты, въ грозный для него часъ, буржуазнаго отечества. Но это доказываетъ, что совѣтская власть вовсе не имѣла и не имѣетъ въ виду въ ближайшемъ будущемъ отнять богатства у всѣхъ богачей, у всей буржуазіи.

Октябрьская борьба показала, что врагомъ рабочей революціи и защитникомъ грабительскаго строя является не только капиталистъ, владѣющій фабрикой, но также и интеллигентъ, обладающій знаніями, которыя онъ продаетъ за господскій доходъ. Сытая интеллигенція, защищая свое господское положеніе, рѣшила не допустить господства рабочихъ; она отказалась отъ техническаго руководства, безъ котораго рабочіе вести производство не въ состояніи.

Но успѣхъ и продолжительность интеллигентскихъ стачекъ были возможны только благодаря нерѣшительности и нежеланію совѣтской власти наложить руку на всѣ накопленныя богатства.

Большевики обратили очень мало вниманія на тотъ фактъ, что интеллигентскія забастовки были оплачены богачами. Платили за забастовку въ банкахъ, въ думахъ и пр. Почему не отдохнуть, получая жалованье, рѣшили саботажники. При томъ, разъ богачи могутъ платить, разъ богатства въ ихъ рукахъ, значитъ они попрежнему сила, способная мѣряться съ большевистской диктатурой, и хозяйскіе капиталы легко могутъ оказаться сильнѣе большевистской власти. Если бы саботажники не были оплачиваемы, интеллигентская мелюзга скоро начала бы голодать. Но ей рабочая революція, урѣзывающая господскіе доходы высшихъ служащихъ, ничѣмъ не грозитъ. Стало быть, при первомъ ощущеніи нужды вся масса мелкихъ служащихъ станетъ на работу, и всѣ учрежденія и предпріятія пойдутъ своимъ обычнымъ ходомъ.

Если только удалить возможность оплаты богачами интеллигентской забастовки, она или не возникнетъ вовсе, или возникнувъ, прекратится послѣ одной, двухъ недѣль. Но предотвратить такую оплату можно только одной мѣрой: одновременной конфискаціей всѣхъ средствъ производства, всѣхъ капиталовъ, всѣхъ накопленныхъ богатствъ. Одновременная всеобщая экспропріація буржуазіи дѣлаетъ невозможной интеллигентскую забастовку и вообще попытки интеллигенціи разстроить производство, переходящее въ руки рабочихъ.

Служащіе принуждены остаться на своихъ мѣстахъ и работать по-прежнему въ новыхъ условіяхъ, въ національзированныхъ предпріятіяхъ. Нѣтъ выхода и для высшихъ служащихъ: они принуждены согласиться на низведеніе ихъ жалованья до той нормы, которая устанавливается при всеобщей экспропріаціи, какъ максимумъ, выше котораго никакіе доходы подниматься не могутъ.

Только при экспропріаціи, организованной одновременно по всей странѣ, не будетъ никакихъ крупныхъ препятствій къ тому, чтобы всѣ фабрики и заводы продолжали работать попрежнему.

Если на первыхъ порахъ удовлетвориться прежними размѣрами производства, то промышленность въ большинствѣ случаевъ не претерпитъ никакого застоя, никакой заминки.

Предположимъ, что совѣтская власть подъ давленіемъ рабочихъ объявляетъ одновременную всеобщую экспропріацію. Тогда даже безъ уча-

стія спеціальныхъ комиссаровъ и инструкторовъ, сами рабочіе на мѣстахъ захватываютъ всѣ фабрики и заводы съ ихъ конторами, складами и кассами, и въ самомъ непродолжительномъ времени рабочими комитетами будетъ налажено производство въ каждомъ предпріятіи. Совѣтской власти непосредственно пришлось бы производить экспропріацію лишь въ болѣе сложныхъ предпріятіяхъ, какъ напримѣръ: банки, акціонерныя общества, кооперативныя предпріятія, въ тѣхъ заведеніяхъ, гдѣ мало рабочихъ, а много служащихъ, противниковъ экспропріаціи. Если въ настоящій моментъ для Россіи признать всѣ доходы, превышающіе примѣрно 10.000 рублей въ годъ, подлежащими конфискаціи, то всѣ фабрики и заводы, всѣ промышленныя и торговыя предпріятія, всякое имущество, дающее высшій доходъ, должно быть конфисковано и перейти въ руки рабочихъ и служащихъ. Къ этой же максимальной нормѣ должны быть низведены всѣ высшіе доходы интеллигентовъ.

Всеобщая экспропріація, проведенная такимъ образомъ, прекращаетъ однимъ ударомъ самое существованіе крупной и средней буржуазіи. Ясно, что такая экспропріація вызвала бы со стороны буржуазіи еще болѣе сильную жажду борьбы, нежели «соціалистическіе эксперименты» большевизма. Но въ ея рукахъ не было бы тѣхъ средствъ защиты, которыми она располагаетъ сейчасъ въ борьбѣ съ большевистской диктатурой. Въ каждой мѣстности при первомъ отраженіи буржуазнаго сопротивленія, при первой побѣдѣ рабочаго возстанія, буржуазія лишается своихъ богатствъ, т.-е. всякой возможности продолжать свою борьбу. Если бы ей и удалось сорганизовать гдѣ либо бѣлогвардейскіе отряды, у нея не оказалось бы средствъ для продолжительнаго ихъ содержанія; вызвать во всей странѣ продолжительную гражданскую войну, послѣ всеобщей экспропріаціи, для буржуазіи не мыслимо. Вся контръ-революція буржуазіи парализуется одновременной конфискаціей всѣхъ награбленныхъ богатствъ.

Таковы преимущества рабочей революціи передъ революціями демократическими и мелко-буржуазными, въ томъ числѣ и передъ большевистской. Въ буржуазныхъ, демократическихъ революціяхъ раньше или позже неизбѣжна реставрація, ибо онѣ, стремясь пріобщить низшіе классы къ господству высшихъ, оставляютъ при жизни старый грабительскій классъ и даютъ ему возможность организовать реставрацію изнутри въ самой средѣ революціи. Этой участи не избѣгнутъ и большевики, отвернувшіеся окончательно отъ рабочей революціи. Одна только рабочая революція, экспропріирующая грабительскій классъ, прекращающая его существованіе, предохранена отъ реставраціи внутри объятой революціей страны.

Одновременная всеобщая экспропріація, парализуя въ корнѣ сопротивленіе буржуазіи, предотвращая саботажъ и забастовку интеллигенціи, гарантирована отъ того провала, до котораго неизбѣжно доходитъ большевистская и вообще соціалистическая программа постепенныхъ, поочередныхъ націонализацій. Одновременная экспропріація доводитъ до минимума, а въ благопріятныхъ условіяхъ можетъ и совсѣмъ предотвратить тотъ кризисъ и развалъ промышленности, который неизбѣжно несетъ съ собой большевистская программа экспропріаціи, растянутой на мѣсяцы и годы.

Частичныя націонализаціи, проведенныя большевистской властью, являются, конечно, скандаломъ для всей буржуазіи. Она старается превратить въ деньги какъ можно большую долю своего имущества, сокращаетъ производство, чтобы припрятать какъ можно больше денегъ. Многіе, захвативъ всѣ оборотные капиталы, бросаютъ свои фабрики на произволъ судьбы. Большевистская власть, не желая оставлять рабочихъ на улицѣ, принуждена финансировать изъ государственной казны брошенныя предпріятія. Капиталисты ухитряются прикарманивать порядочную долю даже тѣхъ субсидій, которыя рабочіе выхлопотали у правительства.

Совѣтская власть занесла мечъ надъ головой всѣхъ капиталистовъ, но пока она рѣшится опустить его, неизбѣжный саботажъ и хищничество капиталистовъ окончательно парализуютъ производство, вызовутъ еще болѣе ужасную безработицу, доведутъ до самыхъ крайнихъ предѣловъ всю ту экономическую разруху, которая создана продолжительной войной, а потомъ демобилизаціей арміи и промышленности. Въ виду такихъ результатовъ отстаивать программу постепенной экспропріаціи, разсроченную на мѣсяцы и годы, просто нелѣпо; преступно. Это значитъ упорно готовить все болѣе глубокій провалъ для попытокъ новаго анти-капиталистическаго хозяйства.

Совѣтская власть принуждена тратить громадѣйшія деньги на финансированіе предпріятій, которыя были конфискованы или брошены капиталистами. Бюджетъ достигаетъ фантастическихъ цифръ; печатный станокъ работаетъ на всѣхъ парахъ. А каждая новая націонализація просто тянетъ капиталистовъ къ саботажу: спасайтесь всѣ остальные, выхватывайте деньги изъ обращенія, сколько каждый можетъ. И несмотря на горы выпускаемыхъ бумажекъ, денегъ нѣтъ въ странѣ: онѣ упорно, систематически прячутся. Одновременная всеобщая экспропріація буржуазіи сразу прекращаетъ это систематическое исчезаніе денежныхъ знаковъ.

Основательно упрощается и «финансированіе» фабрикъ и заводовъ. Для снабженія ихъ необходимыхъ сырьемъ и вспомогательными средствами очень большихъ денегъ не надо: всѣ товары доставляются изъ своихъ же, принадлежащихъ государству, предпріятій и складовъ. Лишь въ немногочисленныхъ случаяхъ они покупаются за-границей и у мелкихъ производителей.

Всякій продуктъ, всякій матеріалъ, долженъ-

ствующій пройти различныя ступени обработки, переходитъ съ одной фабрики на другую безъ посредства денегъ, по записямъ и росписямъ, отмѣчающимъ нарастающую на каждой ступени обработки новую стоимость. Такимъ образомъ, вся государственная промышленность функціонируетъ внѣ зависимости отъ денежнаго рынка и въ значительной мѣрѣ избѣгаетъ тѣхъ заминокъ, которыя вызываются нынѣ недостаткомъ денежныхъ знаковъ.

Наконецъ, въ связи съ вышеуказанными моментами, расширеніе производства, даже въ самыхъ грандіозныхъ размѣрахъ, для соціалистическаго государства гораздо доступнѣе, чѣмъ для буржуазнаго, безъ всякаго участія заграничныхъ капиталовъ, займовъ и проч.

Соціалистическое государство, экспропріирующее среднюю и крупную буржуазію, но оставляющее милліоны мелкихъ производителей, будетъ, конечно, выпускать большое количество денежныхъ знаковъ для оплаты національной рабочей силы. Но деньги эти перестанутъ исчезать и припрятываться: въ большей своей части онѣ отъ рабочихъ будутъ регулярно возвращаться въ государственную казну. Вмѣстѣ съ тѣмъ выпускъ бумажныхъ денегъ не будетъ понижать курса, который будетъ обезпеченъ, съ одной стороны, всей громаднѣйшей національной собственностью, всѣми богатствами страны, а не только однимъ-двумя милліонами золотого запаса, съ другой стороны—производительнымъ расходованіемъ національныхъ средствъ на оплату рабочей силы.

Программа постепенной экспропріаціи буржуазіи сама обрекла себя на неудачу, проходя передъ новымъ способомъ веденія хозяйства совершенно ненужныя, непреодолимыя препятствія. Недоведенная до конца экспропріація вызоветъ небывалое безпримѣрное разстройство и развалъ всего хозяйства страны. Спасать существованіе промышленности большевистская власть можетъ лишь доведеніемъ государственнаго бюджета до совершенно чудовищныхъ размѣровъ. Предпринимать новыя частичныя націонализаціи—это значитъ взваливать на бюджетъ новое бремя расходовъ по финансированію предпріятій, опять выпускать милліарды на такія нужды, которыя при одновременномъ полномъ обобществленіи не потребуютъ никакихъ денегъ. Умноженіе соціализированныхъ элементовъ хозяйства лишь умножитъ всѣ опасности финансоваго краха, которымъ подверженно капиталистическое государство, и не достигнетъ ни въ малѣйшей долѣ той простоты, устойчивости и могущества, которыя пріобрѣтаются сразу національнымъ производствомъ при одновременномъ обобществленіи.

Большевистскому хозяйству остается одно изъ двухъ: или приступить къ окончательной всеобщей экспропріаціи, или прекратить всякую дальнѣйшую націонализацію и черезъ промежуточный этапъ «государственнаго капитализма» возстановить старое капиталистическое хозяйство.

Почему же большевики не рѣшились на всеобщую одновременную экспропріацію буржуазіи? Вѣдь къ этому перевороту они подошли вплотную въ то время, когда еще говорили, что надо «додушить буржуазію»? Вѣдь это дѣло при неслыханномъ единодушіи рабочихъ массъ всей Россіи было не труднѣе, а легче осуществить, нежели большевистскую затѣю создать призрачное господство рабочихъ при существованіи богачей.

Большевики не предприняли экспропріаціи буржуазіи потому, что имъ нужна не настоящая рабочая революція, а революція демократическая, мелкобуржуазная. Они не борцы за освобожденіе рабочаго класса, а защитники низшихъ слоевъ существующаго буржуазнаго общества и интеллигенціи прежде всего. Какъ таковые, они просто не хотятъ всеобщей экспропріаціи буржуазіи. Но не потому, чтобы имъ было жалко капиталистовъ. Нѣтъ, они не хотятъ всеобщей экспропріаціи, боясь за судьбу интеллигенціи, ибо всеобщая экспропріація уронитъ одновременно господскіе доходы интеллигенціи, положитъ начало борьбѣ рабочихъ противъ обѣлоручекъ за уравненіе оплаты физическаго и умственнаго труда. Большевистская партія въ той же мѣрѣ партія интеллигентская, какъ и всѣ другія соціалистическія партіи: меньшевистская, эсэровская, энесовская и пр., какъ и всѣ соціалистическія партіи всего міра.

Всякій соціализмъ стремится прежде всего освободить интеллигенцію, а не рабочихъ. Онъ учитъ, что капиталисты единственный господствующій классъ въ обществѣ, эксплуатирующій не только ручныхъ рабочихъ, но и интеллигентовъ, что тѣ и другіе въ одинаковой мѣрѣ порабощены, какъ наемные рабочіе.

Ни одно соціалистическое теченіе, даже самое крайнее, какъ анархизмъ, напримѣръ, или революціонный синдикализмъ, не нападаетъ на барскую жизнь умственныхъ рабочихъ, хотя высшіе слои интеллигенціи, въ лицѣ крупныхъ ученыхъ, высшихъ правителей государства, ученыхъ спеціалистовъ производства и т. д. загребаютъ доходы, неуступающіе прибылямъ крупной буржуазіи. Напротивъ, соціализмъ даетъ возможность мечтать о томъ, что при устраненіи капиталистовъ, при введеніи соціалистическаго строя, привилегированные доходы интеллигенціи останутся не тронутыми. Нѣкоторые предсказители соціализма откровенно объ этомъ говорятъ. Нетрудно догадаться, что такое соціалистическое отечество ничѣмъ не отличается отъ буржуазнаго: вся національная прибыль распредѣляется между интеллигенціей, а рабочіе остаются въ своей неволѣ ручного труда, становятся рабами ученаго міра.

Итакъ, забота всѣхъ соціалистовъ и коммунистовъ заключается не въ томъ, чтобы устра-

вить буржуазію вообще, а въ томъ, чтобы при экспропріаціи капиталистовъ не пострадала интеллигенція. Дѣло это не легкое. Соціалисты скоро убѣдились, что рабочіе, поднявшіе «соціальную революцію», очень требовательны и не желаютъ понимать ее иначе, какъ немедленное уравненіе. Соціалисты второй половины прошлаго столѣтія рѣшили, что рабочихъ надо предварительно «перевоспитать», «просвѣтить», «развить», развратить продолжительной буржуазной выучкой такъ, чтобы неравная оплата различныхъ видовъ труда имъ казалась необходимымъ условіемъ существованія человѣческаго общества, чтобы господскіе доходы интеллигенціи оправдывались высшей оплатой квалифицированныхъ рабочихъ; чтобы привилегированное положеніе интеллигенціи гарантировалось той розно между квалифицированными и чернорабочими, безъ которой не можетъ существовать грабительскій строй.

Боясь борьбы рабочихъ съ интеллигенціей и всѣмъ ученымъ міромъ, соціалисты всѣхъ странъ по неволѣ оставляютъ въ покоѣ капиталистовъ, отсрочиваютъ экспропріацію буржуазіи и превращаютъ свою грядущую соціалистическую революцію въ поповскую сказку о наступленіи царствія божія на землѣ.

Экспропріація буржуазіи, согласно соціалистическимъ планамъ, не должна, во-первыхъ, уменьшать высшіе доходы интеллигенціи и, во-вторыхъ, не должна возбуждать чрезмѣрной требовательности ручныхъ рабочихъ, не должна увеличивать ихъ заработную плату за счетъ національной прибыли, причитающейся интеллигенціи. Таковы заботы соціалистовъ.

У рабочихъ задачи прямо противоположныя: сократить по возможности больше доходы интеллигентовъ, перевести въ свой доходъ, въ свою заработную плату всю ту прибыль, которую взимаютъ капиталисты, но которую потребляютъ не только они, но и ихъ директора, управляющіе, ученые спеціалисты.

Соціалистамъ, защитникамъ интеллигенціи, для ихъ цѣлей болѣе подходитъ **постепенная** національзація фабрикъ, заводовъ и всѣхъ средствъ производства. Рабочимъ же нужна **одновременная всеобщая** экспропріація.

При частичныхъ національзаціяхъ соціалистамъ легче провести свою линію. Какъ, напримѣръ, производится передача совѣтской властью въ руки рабочихъ конфискованныхъ предпріятій, скажемъ, какого нибудь металло-обрабатывающаго завода? Дѣло сводится исключительно къ устраненію капиталиста. О заработной платѣ рабочихъ и рѣчи не заходитъ. Рабочіе обязаны, какъ и при прежнемъ хозяинѣ, работать за плату, установленную тарифами, которые выработаны большевистскимъ профессіональнымъ союзомъ для всѣхъ предпріятій данной отрасли вообще, которые признаны и частными предпринимателями. Тарифныя ставки, какъ извѣстно, очень скромны, онѣ даже не пытаются, хотя бы поспѣвать за ростомъ дороговизны. Большевистскіе тарифы таковы, что ничуть не сокращаютъ хозяйской прибыли, а въ національзованныхъ предпріятіяхъ должны, повидимому, обезпечить эту прибыль за государствомъ.

Если бы большевики рѣшили національзировать цѣлую отрасль, напримѣръ, металлообрабатывающую, всѣ занятые въ ней рабочіе были бы, очевидно, поставлены въ такое же положеніе, какъ на отдѣльномъ конфискованномъ заводѣ. Большевистскій профессіональный союзъ и комиссаріатъ труда постарались бы не допустить никакого повышенія заработной платы. Прибыль, взимавшаяся хозяевами, должна по ихъ расчетамъ принадлежать государству, а не рабочимъ, т. е. должна пойти на содержаніе привилегированныхъ государственныхъ чиновниковъ и всякихъ руководителей, просвѣтителей рабочаго класса.

Высшіе служащіе спеціалисты обобществленной отрасли производства, равнымъ образомъ, постарались бы выторговать для себя прежнія высокія жалованья, къ чему имъ теперь большевики всецѣло готовы уступить.

Подобный способъ уничтоженія грабителей вызвалъ бы, конечно, негодованіе рабочихъ. Какъ? Изгнаны грабители изъ цѣлой отрасли производства и послѣ этого никакой выгоды для рабочихъ массъ, никакого увеличенія ихъ рабскаго пайка?

Вотъ почему соціалисты рѣшаются приступать къ экспропріаціямъ лишь въ крайнихъ, исключительныхъ случаяхъ, а вообще стараются отъ нихъ увернуться и всячески отсрочивать ихъ. Вотъ почему, объявивъ въ октябрѣ «немедленный соціализмъ», большевики стали проводить на фабрикахъ вмѣсто экспропріаціи пустой утопическій «контроль». Теперь они доказываютъ, что контроль этотъ долженъ быть доведенъ до совершенства, долженъ стать (по Ленину) «точнѣйшимъ» учетомъ производства и потребленія, на что потребуется еще очень много времени, а безъ этого «точнѣйшаго» контроля національзація, якобы, совершенно невозможна.

Если большевики могутъ еще разсчитывать, что недовольство и возмущеніе рабочихъ одной отрасли промышленности возможно успокоить пустяками, то при всеобщей экспропріаціи буржуазіи подобная надежда неосуществима. Тутъ уже рабочіе навѣрно добьются своего, т. е. повышенія своей заработной платы. Вся прибыль капиталистовъ, всѣ привилегированные доходы высшихъ служащихъ должны пойти на повышеніе дохода рабочихъ. Прежде всего, конечно, должна быть повышена плата низшихъ категорій, оставленныхъ нынѣ на голодномъ пайкѣ.

Всякая рабочая борьба сводится всегда къ борьбѣ за болѣе высокую оплату физическаго труда, за облегченіе категоріи ручныхъ рабочихъ. Таковой она была и въ теченіе истекшихъ столѣтій. Соціалисты всевозможныхъ толковъ старались весь этотъ вѣкъ отлечь рабочихъ отъ ихъ

«низьменной» борьбы «за пятачекъ», призывая ихъ къ «возвышенной» борьбѣ за «чистый свѣтлый соціалистическій идеалъ», а иногда къ борьбѣ «за все», «сразу». Но соціалистическіе призывы оказываются въ большинствѣ случаевъ простымъ надувательствомъ, ихъ ученыя программы—пустыми баснями.

Единственнымъ, неизмѣннымъ, безошибочнымъ путемъ рабочей борьбы во всемъ мірѣ остается борьба за наивысшую оплату ручного труда, то именно, что отстаивали всегда и вездѣ рабочія массы, наперекоръ своимъ соціалистическимъ воспитателямъ, проповѣдникамъ, опекунамъ и депутатамъ.

Въ буржуазномъ строѣ, при неприкосновенности хозяйской прибыли, при самовластіи капиталистовъ повышеніе заработной платы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не вызываетъ взпорожанія производимыхъ рабочими товаровъ. Поэтому повышеніе заработка часто сводится на нѣтъ вздорожаніемъ предметовъ потребленія.

Совершенно иначе обстоитъ дѣло съ повышеніемъ заработной платы въ связи съ экспропріаціей буржуазіи. Тутъ вся прибыль и высшіе доходы должны быть экспропрійированы въ пользу рабочихъ, должны войти цѣликомъ въ доходъ рабочихъ. Стало быть заработная плата можетъ и должна быть высоко поднята безъ повышенія цѣнъ на товары, на предметы потребленія.

Грядущая рабочая революція сведется къ борьбѣ за наивысшую оплату ручного труда. Когда въ послѣднемъ ея натискѣ оплата ручного труда сравняется съ оплатой труда умственнаго,—вѣковѣчная неволя рабочаго народа безвозвратно погибнетъ. Ибо уже подъ конецъ революціи рабочія и интеллигентскія семьи будутъ обладать почти одинаковыми средствами для воспитанія своихъ дѣтей, и въ подрастающемъ поколѣніи уже нельзя будетъ больше найти тѣхъ милліоновъ людей ограбленныхъ еще до рожденія, которые нынѣ невѣжественны и способны только къ ручному труду, которые нынѣ рождаются рабами буржуазнаго образованнаго общества.

Рабочая революція въ первомъ и послѣднемъ своемъ этапѣ точно такъ-же, какъ и на всемъ своемъ протяженіи—есть экспропріація имущихъ классовъ въ пользу ограбленныхъ, для повышенія заработной платы рабочихъ. Сначала собственникъ созданныхъ вѣками матеріальныхъ богатствъ, средствъ производства, затѣмъ интеллигенція, владѣлецъ знаній, должны быть лишены своихъ прибылей и привиллегированныхъ доходовъ для того, чтобы богатства и цивилизація, при полномъ имущественномъ равенствѣ, сдѣлались достояніемъ всѣхъ.

Соціалистическое строительство.

Экспропріація буржуазіи для интеллигенціи опасна. Поэтому ни одна соціалистическая программа не говоритъ ясно и твердо, что капиталисты должны быть устранены путемъ экспропріаціи. Всѣ соціалисты предпочитаютъ болѣе мягкія выраженія: обобществленіе, націонализація, соціализація средствъ производства, упраздненіе класса капиталистовъ, а иногда не стѣсняются упоминать и о «выкупѣ». Въ результатѣ, во всѣхъ современныхъ соціалистическихъ ученіяхъ исчезаетъ совершенно представленіе о захватѣ рабочимъ классомъ источниковъ капиталистической прибыли, о захватѣ накопленныхъ богатствъ, какъ о первомъ непремѣнномъ шагѣ рабочей революціи.

Каковъ, по мнѣнію соціалистовъ, долженъ быть результатъ побѣдоноснаго возстанія рабочихъ? Что должны они сдѣлать немедленно по низверженіи капиталистической власти, чтобы свою побѣду учесть наилучшимъ образомъ, чтобы извлечь изъ нея все возможное, чтобы не упустить исключительнаго момента пораженія буржуазіи?

На эти основные въ рабочей революціи вопросы, вмѣсто твердаго, опредѣленнаго отвѣта: экспропріація буржуазіи—соціалисты даютъ всегда одинаково туманные отвѣты, сотканные изъ фразъ: получивъ полную свободу устроиться «какъ хотятъ», рабочіе должны немедленно приступить къ «введенію соціалистическаго строя», къ «организаціи обобществленнаго хозяйства», къ «уничтоженію эксплуатаціи человѣка человѣкомъ», къ «переустройству общественной жизни на соціалистическихъ началахъ».

Эти пустыя формулы соціалистическихъ плановъ даютъ возможность большевикамъ увертываться въ настоящій моментъ отъ низверженія буржуазнаго строя, даютъ имъ возможность утверждать, будто октябрьская революція ими учтена безошибочно, что съ укрѣпленіемъ совѣтской «рабочей власти», рабочимъ не съ кѣмъ больше бороться, что у нихъ нѣтъ больше враговъ и угнетателей, что винить надо объективную невозможность и отчасти «разгильдяйство» самихъ рабочихъ, если капиталисты не исчезли, если существуютъ голодные милліоны и рабочій классъ остается на томъ же рабскомъ пайкѣ.

Но можетъ быть анархисты, слывущіе большими резолюціонерами, въ корнѣ преобразовываютъ соціализмъ?

Русскіе анархисты, создавшіе за время революціи довольно широкія организаціи, ни на шагъ не подвинули рабочее дѣло дальше большевизма. Анархисты призывали, правда, рабочихъ къ немедленному захвату фабрикъ. Но только впервые послѣ октябрьскаго переворота нѣкоторые изъ нихъ сообразили, наконецъ, и то съ грѣхомъ пополамъ, что это дѣло много сложнѣе, чѣмъ имъ всегда представлялось въ ихъ пропагандѣ, что, между прочимъ, нельзя пустить въ ходъ отдѣльныя захваченныя фабрики безъ спеціальныхъ «субсидій», безъ «оборотнаго капитала», словомъ, безъ тѣхъ «проклятыхъ денегъ», которыя находятся въ государственной казнѣ, въ

рукахъ центральной государственной власти, обращаться къ которой съ требованіями анархисту не подобаетъ. Такъ какъ анархистамъ дороже ихъ дѣтскій принципъ о немедленномъ упраздненіи денегъ, государства и власти, нежели захватъ рабочими фабрикъ и заводовъ, то они принуждены всеобщую экспропріацію буржуазіи отложить въ сторону, по примѣру всѣхъ прочихъ соціалистовъ, и по меньшей мѣрѣ отсрочить ее до того далекаго момента, когда рабочіе сдѣлаются всюду анархистами. Тогда ужъ они обязательно захватятъ всѣ фабрики и заводы, наладятъ сообща съ крестьянскими коммунами, по анархистски, непосредственный обмѣнъ продуктовъ и перестанутъ нуждаться въ услугахъ государства, въ большевистскихъ субсидіяхъ, въ деньгахъ.

Въ настоящій моментъ большевики и сочувствующіе имъ революціонные соціалисты только то и дѣлаютъ, что морочатъ рабочія массы всевозможными соціалистическими утопіями, усыпляютъ ихъ на лонѣ балаганнаго «соціалистическаго отечества», удерживаютъ отъ мысли о рабочей революціи.

Анархистское ученіе ничуть не мѣшаетъ такому усыпленію. Напротивъ, мнимо-революціонная программа анархистовъ всемѣрно содѣйствовала распыленію революціонной мысли, силы и энергіи рабочихъ.

На большевиковъ анархисты не оказали ни малѣйшаго революціоннаго давленія даже въ тотъ моментъ, когда сами, по наивности своей, называли ихъ «анархистами меньшевиками». Не признавая центральной государственной власти, желая ея немедленнаго исчезновенія, анархисты принуждены были всетаки восхищаться разрушительною дѣятельностью большевистскаго правительства, его удачной борьбой съ контръ-революціей. Анархистское отрицаніе власти свелось къ уговариванію рабочихъ не обращать вниманія на центральную власть, для которой такое отношеніе анархистской оппозиціи было очень удобно. Большевистскій центръ безпрепятственно становился самодержавнымъ: рабочіе, пошедшіе за анархистами, не думали безпокоить его ни своимъ контролемъ, ни требованіями. Большевистской власти предоставлена была возможность разрушать старый строй лишь въ той мѣрѣ, въ какой ей захочется, и пріостановить свое нападеніе на буржуазію, когда ей заблагоразсудится.

По мнѣнію анархистовъ не существуетъ болѣе могучаго революціоннаго рычага, нежели принципъ «самодѣятельности массъ» въ соціалистическомъ строительствѣ, нежели соціалистическое самоуправленіе, даже самоуправленіе «кварталовъ, улицъ и домовъ». Они горячо привѣтствовали, какъ истинно анархистскіе, призывы большевиковъ къ соціалистическому строительству и самодѣятельности въ государственной жизни и въ производствѣ. Они даже не подозрѣвали, что такіе призывы къ «строительству» всегда выдвигались какъ тормазъ революціи, и у большевиковъ означали, прежде всего, увиливаніе отъ взятой на себя, а теперь ставшей для нихъ очень трудной, задачи экспропріировать буржуазію. Анархисты не видѣли ничего плохого и въ томъ, что соціалистическое строительство и самодѣятельность породили у большевиковъ «дисциплину» и «самодисциплину». Они очнулись лишь въ тотъ моментъ, когда соціалистическая дисциплина обрушила на ихъ собственную голову звѣрскую жестокость дружественныхъ имъ соціалистическихъ строителей. Но и послѣ того они все еще не разгляд̀ѣли предательской сущности «соціалистическаго строительства».

У большевиковъ «соціалистическимъ строительствомъ», «процессомъ освобожденія рабочихъ»—сдѣлалось теперь просто—напросто все, что предпринимается въ ихъ соціалистическомъ отечествѣ. Соціалистическимъ строительствомъ является, напримѣръ, простое упорядоченіе транспорта на любой желѣзнодорожной вѣткѣ (Правда № 60: «Диктатура пролетаріата»), введеніе желѣзной дисциплины и черныхъ списковъ на фабрикахъ и заводахъ, наконецъ, «порядокъ» въ государствѣ и обществѣ. Стало быть, къ соціалистическому строительству надо отнести и то наведеніе порядка въ анархистскихъ особнякахъ, которое такъ быстро подняло курсъ большевиковъ и ихъ денегъ на европейскихъ биржахъ.

Чтобы замаскировать свое генеральное отступленіе и прекращеніе атакъ на буржуазную собственность, большевики назвали себя болѣе революціоннымъ, болѣе грознымъ именемъ «коммунистовъ», и при помощи старыхъ соціалистическихъ утопій приступили къ генеральному усыпленію рабочихъ массъ. Бросивъ лозунгъ вѣрнѣйшаго сокрушенія буржуазнаго строя путемъ развитія истинно-соціалистическихъ началъ сотрудничества, кооперации. Реалисты-марксисты стали воскрешать всѣ утопическія затѣи, какъ современныхъ анархо-толстовцевъ, такъ и миролюбивыхъ соціалистовъ всѣхъ эпохъ. Большевизмъ рѣшилъ стать піонеромъ новыхъ коммунъ въ пустыняхъ Сибири, рѣшилъ использовать для соціалистическаго строительства «честные» кооперативы объединенныхъ группировокъ буржуевъ и рабочихъ. Такое соціалистическое строительство должно вѣрнѣе, чѣмъ экспропріація, разрушить буржуазный строй.

Сотрудничество, кооперативы, коммуны — это не только соціалистическое, но и анархистское строительство. Такимъ образомъ анархисты дождались удачи. Большевики почти одновременно разоружили ихъ во всѣхъ отношеніяхъ: они не только распустили черную гвардію, воплощеніе анархистскаго бунтарства, но лишили ихъ значительной части идейнаго вооруженія, ихъ мирной теоріи коммунистическаго строительства. Обезоруженнымъ анархистамъ не остается иначе-

го, какъ вмѣстѣ съ меньшевиками искать спасенія въ «единомъ революціонномъ фронтѣ»[1]).

Вождь большевизма счелъ всѣ старыя утопіи недостаточнымъ средствомъ усыпленія и удержанія въ должныхъ рамкахъ той революціонной стихіи, которою онъ овладѣлъ въ октябрьскую революцію. Для даннаго историческаго момента, для воздвигнутой имъ диктатуры, онъ изобрѣлъ особую формулу подготовки соціалистическаго строя: «всенародный учетъ и контроль производства и распредѣленія продуктовъ». Эту формулу Ленинъ подготовилъ и противопоставилъ въ октябрьскіе дни стремленію россійскихъ рабочихъ къ немедленному захвату фабрикъ и заводовъ, ею онъ старается теперь обосновать пріостановку большевистскихъ атакъ на буржуазію.

Ленинъ превратился за время войны изъ соціалдемократа постепеновца въ крайняго коммуниста, согласно его собственному объясненію[2]), не только потому, что предчувствовалъ нарастающій во всемъ мірѣ бунтъ рабочихъ, но главнымъ образомъ въ силу теоретическихъ марксистскихъ соображеній. Буржуазное хозяйство, которое, какъ извѣстно, безпрестанно подготовляетъ соціализмъ.—по увѣреніямъ Ленина, окончательно его подготовило въ текущей войнѣ. Буржуазія, главнымъ образомъ германская, создала послѣднюю переходную ступень къ соціализму, въ видѣ „государственнаго капитализма“, создала почти соціалистическое регулированіе хозяйства, въ видѣ принудительнаго трестированія и синдицированія. Лишь бы только германскимъ рабочимъ удалось захватить по большевистски власть, у нихъ будетъ въ рукахъ почти готовый соціалистическій строй.

Когда грабители для осуществленія своихъ имперіалистическихъ замысловъ, своего патріотическаго разбоя, объединяются въ братскіе синдикаты, это безмѣрно вдохновляетъ сочинителей соціалистическихъ утопій: сама волъ буржуазія не можетъ найти другой дороги, кромѣ соціализма. Марксистскій объективистъ радуется росту «соціалистическаго зародыша» въ буржуазномъ мірѣ, росту „обобществленія“ точно такъ же, какъ утопистъ кропоткинецъ развитію начала «ассоціаціи, сотрудничества въ современномъ обществѣ», и такимъ образомъ марксистскій матеріализмъ вдругъ оказывается братомъ-близнецомъ анархистскаго идеализма.

Государственное синдицированіе вводится въ Германіи и другихъ западно-европейскихъ странахъ съ цѣлью наилучшаго приспособленія промышленности къ потребностямъ міровой войны, а также для обезпеченія всѣмъ эксплоататорамъ, въ неизбѣжныхъ производственныхъ потрясеніяхъ, ихъ собственности и „справедливаго“ распредѣленія громадной военной прибыли. Много ли слѣдовъ останется въ рабочемъ хозяйствѣ отъ буржуазнаго регулированія, военнаго трестированія промышленности послѣ того, какъ рабочіе прекратятъ войну и экспропріируютъ капиталы и прибыль. Но Ленинъ убѣжденъ, что буржуазія непремѣнно подготовитъ обобществленіе производства до послѣднихъ деталей и преподнесетъ рабочимъ чуть ли не готовыя смѣты распредѣленія и производства продуктовъ.

Когда вождь большевизма начиналъ свою соціалдемократическую дѣятельность 20 лѣтъ съ лишнимъ тому назадъ, онъ еще усердно повторялъ марксистскую сказку о томъ, что соціализмъ не можетъ наступить раньше, чѣмъ крупное капиталистическое производство въ городѣ и деревнѣ не поглотитъ въ достаточной мѣрѣ мелкаго и средняго. Хотъ эта сказка прекрасно усыпляла рабочихъ Германіи и другихъ странъ въ продолженіи долгихъ десятилѣтій, однако, отъ нея пришлось отказаться и прежде всего въ отношеніи къ земледѣлію. Большевизмъ даже черезчуръ рѣшительно, по эсъ-эровски, отбросилъ ее. Нынѣ существованіе милліоновъ мелкихъ хозяйчиковъ ничуть не мѣшаетъ большевистскимъ попыткамъ осуществленія соціализма, до такой степени не мѣшаетъ, что марксистская власть собственными декретами въ десятки разъ умножаетъ численность мелкихъ хозяйствъ въ русской деревнѣ, безъ малѣйшаго опасенія противодѣйствовать законамъ капиталистической концентраціи производства и скорѣйшему наступленію соціализма. Оказалось, однимъ словомъ, что попусту рабочіе откладывали свою революцію до момента гибели мелкаго производства.

Марксистскій объективизмъ не такъ бѣденъ, чтобы, отказавшись отъ старой сказки, не сумѣть сочинить новую. Въ самомъ дѣлѣ, новая утопія въ формулировкѣ Ленина уже совершенно готова. Раньше чѣмъ погибнуть, капиталистическое производство должно непремѣнно перейти въ „государственный капитализмъ“, должно выработать систему синдицированной промышленности, механизмъ регулированія и точнаго учета производства и распредѣленія труда. Иначе соціализмъ не осуществимъ. Въ доказательство Ленинъ ссылается на результаты большевистскаго хозяйства: передали рабочимъ регулированіе и распредѣленіе, а тѣ не сумѣли съ этимъ справиться. „Рабочему“ правительству приходится теперь обращаться за помощью къ буржуазіи, которая, къ счастію, еще не погибла.

Ленинъ съ глубокимъ убѣжденіемъ повторяетъ, что «обобществленіе» промышленности и точный учетъ производства и потребленія не есть утопія, а реальнѣйшая дѣйствительность, необходимѣйшія реформы капиталистическаго хозяйства, уже осуществленныя, въ большей или меньшей мѣрѣ, въ западно-европейскихъ странахъ. Несомнѣнно! Съ этимъ спорить нельзя. Но какимъ образомъ эти реальныя явленія, эти преобразованія играютъ рѣшающую роль въ судьбахъ рабочаго класса, въ его революціи, въ его освобожденіи?

(Гординъ въ Анархіи № 57).
(«Грозящая катастрофа» стр. 28).

Отвѣтъ будетъ въ концѣ концовъ такой: происшедшія за время войны измѣненія въ капиталистическомъ хозяйствѣ представляютъ нѣкоторое несомнѣнное... обобществленіе производства, своего рода... соціализмъ, хотя и буржуазный, кайзеровскій, все же соціализмъ. А соціализмъ—кто же въ этомъ сомнѣвается?—есть полное освобожденіе рабочихъ.

Таковы соціалистическія сѣти, которыя опутали рабочій классъ. Въ нихъ его научили однимъ и тѣмъ же именемъ соціализмъ называть какъ свое собственное стремленіе къ низверженію вѣковой неволи, такъ и усилія буржуазіи спасти свое грабительское отечество и усилія кайзера ограбить весь міръ. Эти сѣти соціализмъ плететъ съ перваго же дня своего рожденія, и уже Коммунистическій манифестъ (70 лѣтъ тому назадъ) преспокойно перечисляетъ всѣ виды соціализма: поповскій, государственный, буржуазный и пр. Эти закабаливаютъ рабочихъ, но есть также «настоящій», «истинный», «пролетарскій», «коммунистическій» соціализмъ, который рабочихъ освободитъ.

Такъ соціалисты прожили сто лѣтъ, сохранивъ чистую совѣсть и глядя спокойно, какъ «свѣтлымъ» знаменемъ соціализма, въ корнѣ испошленнымъ и истрепаннымъ, всевозможные попы, министры, буржуи размахиваютъ въ случаѣ нужды для лучшаго закабаливанія рабочихъ.

Соціалистическія сѣти сооружены по тому же методу, что и религіозныя. Соціализмъ не допускаетъ разрыва между ограбленными и ихъ грабителями. Онъ, наоборотъ, объединяетъ ихъ въ одной мечтѣ о будущемъ рѣ, о царствѣ святого братскаго сотрудничества.

На основаніи того несомнѣннаго положенія, что созданныя вѣками богатства и необходимыя для жизни людей средства производства могутъ быть захвачены рабочими и сдѣлаться ихъ достояніемъ только въ обобществленной формѣ, соціализмъ сочинилъ и внушилъ милліонамъ лживую религіозную вѣру въ то, что обобществленное хозяйство есть само по себѣ уничтоженіе рабства рабочихъ, переходъ богатствъ въ ихъ руки. «Грубое» стремленіе рабочихъ къ захвату богатствъ, къ экспропріаціи грабителей въ корнѣ подмѣнено «чистымъ» религіознымъ стремленіемъ къ соціалистическому идеалу къ благочестивому «сотрудничеству» людей. Только бы создать обобществленное производство, только бы дождаться обобществленнаго хозяйственнаго сотрудничества, и грабители сами исчезнутъ. Точно такъ же «настоящіе», «истинно-христіанскіе» проповѣдники двѣ тысячи лѣтъ морочатъ бѣдноту: только бы распространить христіанскую любовь по всему міру, и въ «царствіи божіемъ» на землѣ не будетъ мѣста грабителямъ.

Въ религіозномъ ожиданіи братскаго сотрудничества, вѣрующіе рабы отказываются отъ немедленной расправы съ грабителями. Въ то самое время, когда грабители множатся, и въ средѣ самого «пролетаріата» развивается и крѣпнетъ паразитизмъ интеллигенціи съ господскими доходами бѣлоручекъ, когда новѣйшая «пролетарская» интеллигенція съ каждымъ днемъ все прочнѣе пристраивается къ буржуазному пирогу и умножаетъ ряды буржуазіи, рабочихъ усыпляютъ «научными» утопіями, будто буржуазія, становясь все меньшей «кучкой», «сама роетъ себѣ могилу». Соціализмъ внушаетъ рабочимъ массамъ ложь, будто одни только капиталисты, одни только собственники средствъ производства — паразиты, живущіе на счетъ рабочаго труда. Соціализмъ—это щитъ, прикрывающій интеллигенцію, которая безпрестанно размножается и въ высшихъ своихъ слояхъ, наравнѣ съ капиталистами, загребаетъ національную прибыль. Соціализмъ скрылъ отъ рабочихъ ростъ грабительскаго общества и пѣсенкой объ уменьшающемся количествѣ грабителей, о гибели буржуазіи отъ ея собственнаго развитія, удерживаетъ рабочихъ отъ низверженія буржуазнаго строя.

Соціалисты, согласно своему религіозному ученію, обязаны только «подготовлять» рабочихъ для будущаго строя, подготовлять безъ конца, всюду и всегда, но не освобождать ихъ немедленно, не низвергать буржуазію. И вотъ, въ то время, какъ рабочихъ соціалисты лишь «подготовляютъ», интеллигенцію и буржуазные низы они доподлинно освобождаютъ. Такъ царское самодержавіе соціалисты низвергали якобы для того, чтобы рабочіе при демократической свободѣ могли воспитываться, организоваться, подготовляться къ соціализму, интеллигенція же сразу получила въ свои руки правительственную власть, государственную казну, всѣ многочисленныя мѣстечки, которыя были для нея недоступны при царскихъ жандармахъ, генералахъ, бюрократахъ.

Наконецъ даже тогда, когда соціалисты въ лицѣ большевиковъ обѣщаютъ немедленное разрушеніе буржуазнаго строя, когда рабочіе завоевываютъ для нихъ полную, неограниченную власть во всемъ государствѣ, даже тогда рабочему классу не суждено получить ничего больше кромѣ все той же вѣчной подготовки къ соціалистическому строю. Въ этотъ исключительный моментъ «диктатуры пролетаріата» пущены въ ходъ необычайныя соціалистическія мѣропріятія, которыя, однако, фатально оказываются лишь обычными соціалистическими утопіями.

Къ рабочимъ массамъ, полуграмотнымъ и совсѣмъ безграмотнымъ, остающимся на рабскомъ пайкѣ, въ ихъ неволѣ рабскаго ручного труда, обращаются послѣ побѣды надъ буржуазной властью съ пламеннымъ призывомъ учиться искусству управлять государствомъ и производствомъ.

Это обычная демократическая утопія соціалистовъ и анархистовъ, не имѣющихъ ни малѣй-

шаго понятія о всей глубинѣ рабства рабочихъ массъ, обреченныхъ на невѣжество. Она увѣряетъ, что надо лишь прогнать старыхъ чиновниковъ, и «трудящіеся классы» путемъ свободнаго «народнаго творчества», на основѣ неограниченнаго самоуправленія «коммунъ» и ихъ свободнаго федерированія наилучшимъ образомъ наладятъ хозяйство и всю жизнь страны. Но уже послѣ трехъ, четырехъ мѣсяцевъ въ этомъ сверхдемократизмѣ наступаетъ неизбѣжный крутой поворотъ: самоуправленіе, самодѣятельность, выборное и федеративное начало признаются очень часто нежелательными, вызывающими всеобщую неразбериху, и замѣняются своею противоположностью—принципомъ диктаторскимъ. Въ концѣ концовъ, рабочая масса, призванная, словно для издѣвательства надъ нею, къ управленію государствомъ, сама же и отвѣтственна за глупость и демагогію командировъ революціи: это, молъ, ея неспособность, эгоизмъ, грубость и лѣнь довели до развала «рабочее» государство.

Въ результатѣ всѣхъ призывовъ къ «самодѣятельности» народилась... новая «народная» бюрократія. Конечно, не массы, осужденныя на невѣжество и ручной трудъ, пошли управлять государствомъ, а интеллигенты и полуинтеллигенты изъ рабочихъ, тѣ «передовики», которые раньше были революціонерами, а послѣ октябрьскаго переворота сдѣлались государственными чиновниками. Массы могли лишь наклеить этой новой бюрократіи ярлыки народныхъ, рабочихъ комиссаровъ, депутатовъ и пр.

Анархисты никогда не задумывались надъ тѣмъ, что въ дѣйствительности выйдетъ изъ ихъ «народнаго творчества» и выйдетъ ли вообще что-нибудь. Подобнымъ же образомъ лѣвые коммунисты до сихъ поръ восхищаются «прекраснымъ» лозунгомъ Ленина: «научить каждую кухарку управлять государствомъ». Но Ленина нечего заподазривать въ преувеличеніи роли и значенія «самодѣятельности» массъ въ «государственномъ строительствѣ». Онъ красивыми лозунгами вовлекалъ массы въ большевистскую революцію, но еще до октября старательно объяснялъ, что задачей демократической самодѣятельности будетъ замѣна старой бюрократіи бюрократіей новой, народной и рабочей. Такимъ образомъ, онъ имѣетъ теперь полное право возмущаться «лѣвымъ ребячествомъ» своихъ партійныхъ товарищей, которые до сихъ поръ не изучили въ совершенствѣ акробатскаго искусства соціалъ-демократіи, умѣющей, сообразно различнымъ «объективнымъ» моментамъ, то возвеличивать до небесъ «личную инициативу», то строго ее карать.

Рабочимъ массамъ не нужны «прекрасные лозунги» слащаваго демократизма и демагогическіе призывы къ «самодѣятельности» въ тюрьмѣ рабскаго ручного труда. Пока рабочіе не доведутъ свой рабскій паекъ—за счетъ буржуазныхъ богатствъ—до уровня дохода свободныхъ и полноправныхъ интеллигентовъ, они не могутъ быть свободными людьми, не въ состояніи заниматься строительствомъ жизни. Въ моментъ рабочей революціи народъ не станетъ, согласно соціалистическимъ утопіямъ, подготовлять своихъ собственныхъ «рабочихъ» чиновниковъ и спеціалистовъ, не станетъ «по большевистски» вскармливать и умножать въ своей средѣ бюрократовъ. Рабочій классъ, экспропріировавъ буржуазію, завладѣвъ всѣми накопленными богатствами, достигнетъ революціоннаго господства надъ государственной властью, которая съ этихъ поръ ему повинуется, и принудитъ всю интеллигенцію, подъ угрозой голода, работать въ рабочемъ хозяйствѣ такъ же прилежно, какъ у капиталистовъ.

Ясный прямой путь рабочей революціи, связанный съ одновременною всеобщею экспропріаціей, съ безповоротнымъ разрушеніемъ буржуазнаго строя, для соціализма—и марксизма въ частности — не доступенъ, нежелателенъ, ибо, какъ показано выше, путь этотъ есть въ то же время начало борьбы со всѣмъ образованнымъ обществомъ, на которую никакой соціализмъ не рѣшится.

Для устраненія капиталистовъ марксистамъ нуженъ путь медленной, окольной, осторожной борьбы безъ сжиганія мостовъ за собою, такой путь, чтобы при малѣйшей опасности для интеллигенціи можно было увильнуть назадъ.

Экспропріація буржуазіи допускается марксистами не въ видѣ всеобщаго захвата самими рабочими фабрикъ и заводовъ, а самое большее, въ видѣ разрозненныхъ націонализаціи, проводимыхъ исключительно государствомъ. Но даже такая экспропріація является въ марксистскомъ соціалистическомъ переворотѣ дѣломъ второстепеннымъ, можно сказать, дѣломъ самаго ничтожнаго значенія. Въ написанныхъ наканунѣ октября брошюрахъ, гдѣ, между прочимъ, разъясняется, что при націонализаціи банковъ милліонеры не потеряютъ ни копѣйки (Грозящая катастрофа стр. 8), Ленинъ многократно заявляетъ, что сущность соціалистической революціи не въ экспропріаціи. «Не въ конфискаціи гвоздь дѣла» говоритъ онъ. (Удержатъ ли большевики власть? стр. 17). И бурный октябрьскій переворотъ, когда, по его выраженію, «достаточно наломано и наконфисковано», очевидно, не перемѣнилъ его отношенія къ этому вопросу. Какъ же, въ такомъ случаѣ, объяснить двѣ-три сотни націонализованныхъ совѣтской властью предпріятій? Націонализація служила лишь «агитаціоннымъ средствомъ». Это была необходимая дань «низменнымъ, грубымъ» чувствамъ невоспитанныхъ рабочихъ массъ, упорно мечтающихъ о захватѣ богатствъ буржуазіи. Иначе нельзя было вдохновить рабочихъ на соціалистическое строительство и поставить ихъ передъ «благороднѣйшей», по убѣжденію Ленина, задачей «самодисциплинированія» рабочаго класса.

Путь Ленина—это выдержанная марксистская тактика. Мартовъ никакъ этого не можетъ понять и попусту обвиняетъ товарища въ измѣнѣ только потому, что на смертъ перепуганъ «немедленнымъ соціализмомъ». Но развѣ первымъ русскимъ соціалистамъ четверть вѣка тому назадъ не приходилось уже маскироваться, временно замалчивать политику, и, уступая некультурнымъ рабочимъ, вести узко экономическую борьбу «за пятачекъ»? Это приходилось дѣлать затѣмъ, чтобы достигнуть завѣтной цѣли, чтобы вовлечь рабочія массы въ буржуазную революцію. Вождь большевизма за все время революціи ни на минуту не измѣнялъ марксизму, его теоріи и практикѣ. Онъ слишкомъ хорошо знаетъ безконечную цѣнность его для демократіи, чтобы не оставаться ему вѣрнымъ.

Въ теоріи, въ своемъ мышленіи Ленинъ ни на минуту не перестаетъ быть марксистомъ объективистомъ, который обязанъ не отрываться отъ «реальной экономической почвы». Что же долженъ означать большевистскій «немедленный соціализмъ»? Можетъ ли это быть что нибудь похожее на немедленное уничтоженіе буржуазіи и полную ея экспропріацію? Конечно, нѣтъ! Это значило бы «выдумывать» соціализмъ «изъ ничего». До такихъ заданій экономика буржуазнаго хозяйства не доросла, да и врядъ ли дорастетъ когда либо.

Ленинскій немедленный соціализмъ—это предпринятое марксистомъ объективистомъ соціалистическое строительство, поскольку буржуазная экономика для такого строительства созрѣла и сама въ немъ нуждается. Экспропріація буржуазіи, конфискація ея имущества—это не строительство. Здѣсь нѣтъ присущаго соціализму «элемента организаціи». («Удержатъ ли большевики власть?» стр. 17). Это лишь то «разрушеніе», которое, по мнѣнію Ленина, пора прекратить.

Ленинъ на столько «истинный марксистъ», до такой степени безгрѣшный и совершенный объективистъ, что въ своемъ соціалистическомъ строительствѣ старается осуществить лишь то, что уже создала буржуазная экономика въ «передовыхъ культурныхъ» странахъ.

Ленинъ, коммунистъ восхищенъ не менѣе Шейдемана результатами, достигнутыми за время войны западно-европейской и въ особенности германской «экономикой». По его увѣреніямъ, германское хозяйство столь же созрѣвшій соціалистическій зародышъ въ экономикѣ, какъ россійское совѣтское государство въ политикѣ (Правда № 89 «О лѣвомъ ребячествѣ»). Остается лишь слить эти два зародыша воедино, создать кайзеровскую экономику въ совѣтской Россіи, и засіяетъ рай полнаго обобществленія, падетъ рабство рабочихъ и буржуазный грабежъ.

Хорошая сказка! Какъ всякая другая, которую порождаетъ марксистскій объективизмъ, она усыпляетъ рабочихъ, но въ то же время выражаетъ реальнѣйшую политику, насущнѣйшую потребность демократическаго буржуазнаго общества.

Регулированіе промышленности, «точнѣйшій учетъ» производства и потребленія, съ хлѣбной монополіей, твердыми цѣнами и карточной системой, эта, доведенная въ Германіи до совершенства, «соціалистическая экономика» сдѣлалась необходимостью во всѣхъ государствахъ, прямо или косвенно затронутыхъ войною. Регулированіе производства и потребленія является для нихъ спасеніемъ отъ массоваго голода и развала въ эпоху опустошительнѣйшей міровой бойни. Только въ соціалистическихъ утопіяхъ эта система государственной регламентаціи подрываетъ буржуазный строй. Но буржуазныя правительства приступаютъ къ ней безъ малѣйшаго опасенія, что дѣлаютъ какую либо уступку или играютъ на руку революціоннымъ антибуржуазнымъ стремленіямъ рабочихъ.

Марксисты-объективисты, все равно, нѣмецкіе ли шейдемановцы, или русскіе коммунисты, морочатъ рабочихъ пустыми баснями, будто регулированіе производства и потребленія есть матеріальная подготовка соціализма, освобожденія рабочихъ. Одной и той же марксистской утопіей соціалъ-патріоты вовлекаютъ рабочихъ въ кайзеровскіе грабежи и разбои, а большевики въ демократическую революцію.

Регулированіе производства и потребленія есть простая обязанность всякаго правительства, желающаго сохранить свое государство, какъ самостоятельное политическое цѣлое. Эту обязанность, которую добровольно взяли на себя большевики, принуждена была бы исполнять всякая власть, будь то Керенскій, Милюковъ или царь. Между тѣмъ, рабочимъ безъ стѣсненія разсказываютъ бредни, будто регулированіе промышленности, «точнѣйшій учетъ производства и распредѣленія продуктовъ» есть необходимое, предварительное условіе низверженія буржуазіи; будто строгое проведеніе хлѣбной монополіи есть настоящая коммунистическая задача, «послѣдній рѣшительный бой» съ капитализмомъ. (Ленинъ: «О голодѣ». Правда № 101). Вотъ уже и послѣдній бой, когда не сдѣланъ даже первый шагъ въ рабочей революціи!

Понятно, что Ленинская утопія объ уничтоженіи буржуазіи путемъ регулированія производства и потребленія крѣпче приковываетъ рабочаго «передовика» къ дѣлу демократіи, заставляя его забыть совершенно о рабочемъ дѣлѣ, о захватѣ богатствъ буржуазіи.

Пока совѣтская власть не успѣла укрѣпиться, въ большевистскихъ рядахъ раздавались голоса о необходимости «углубленія» революціи, ея дальнѣйшаго развитія, о необходимости «додушить» буржуазію. Но когда, мѣсяца два тому назадъ, контръ-революція была повсюду подавлена, большевики стали бить отбой и съ особен-

ной настойчивостью усыплять рабочія массы своими соціалистическими утопіями.

Правда, въ большевистскихъ рядахъ возникла оппозиція лѣвыхъ коммунистовъ, но родилась она не изъ стремленія вести впередъ революцію, а изъ желанія объявить нѣмцамъ «священную войну» немедленно, не довершая октябрьской революціи. Такое выступленіе лѣвыхъ коммунистовъ привѣтствовали даже всѣ русскіе патріоты. Съ тѣхъ поръ лѣвымъ удалось, пожалуй, нѣсколько попридержать рвеніе празныхъ большевиковъ къ отступленію, но, повидимому, этимъ они и удовлетворились: на твердое, непреклонное движеніе впередъ они, старые соціалъ-демократы, не способны. Что касается анархистовъ, то даже жестокій урокъ, полученный ими отъ большевиковъ, не былъ въ состояніи толкнуть ихъ впередъ. Напротивъ, они быстро попятились назадъ, еще дальше большевиковъ.

Итакъ, самыя крайнія, наиболѣе передовыя соціалистическія революціонныя партіи перестали думать о дальнѣйшей борьбѣ со старымъ міромъ грабежа. Между тѣмъ, въ совѣтской республикѣ существуетъ буржуазный строй, капиталисты остаются собственниками фабрикъ и прибылей, неволя рабочихъ, обреченныхъ на пожизненный ручной трудъ, не нарушена, плата стала полуголодной, низшіе слои рабочихъ жлвутъ на нищенской голодной платѣ, сотни тысячъ безработныхъ и ихъ семьи терпятъ муки голода и гибнутъ. При такомъ положеніи всѣ соціалистическія партіи рѣшили покончить съ «углубленіемъ» революціи. Всѣ онѣ по собственной волѣ остановились, ибо считаютъ достигнутые результаты революціи вполнѣ достаточными; что же касается эсеровъ и меньшевиковъ, то они, какъ извѣстно, считаютъ ихъ даже чрезмѣрными и зовутъ «назадъ, къ капитализму».

Такое отношеніе соціалистовъ къ задачамъ революціи доказываетъ неопровержимѣйшимъ образомъ, что соціализмъ не есть сознательное выраженіе стремленія рабочихъ массъ низвергнуть свою неволю. Онъ еще разъ выразилъ стремленіе народныхъ элементовъ, уже поднявшихся надъ рабочей массой, занять привиллегированное положеніе въ грабительскомъ обществѣ. Эти низы буржуазнаго общества, подъ руководствомъ революціоннаго марксизма, рѣшили, что достаточно истреблено помѣщиковъ, офицеровъ и старыхъ бюрократовъ, что богачи, капиталисты достаточно обузданы и напуганы для того, чтобы всѣ оставшіеся до сихъ поръ въ черномъ тѣлѣ интеллигенты и полуинтеллигенты прочно пристроились въ новомъ буржуазномъ обществѣ.

Съ нашествіемъ кайзеровскихъ полчищъ на совѣтскую республику приставленъ ножъ къ горлу русской революціи, и, кто знаетъ, не суждено ли ей погибнуть подъ ударами культурныхъ разбойниковъ запада и востока. Это, однако, не образумило русскихъ соціалистовъ. Имъ, какъ видно, безразлично, что поднятой коммунистами революціи грозитъ опасность перейти въ исторію подъ знаменемъ обыкновенной буржуазной революціи, которая, какъ таковая, не въ состояніи оказать никакого дѣйствія на европейскихъ рабочихъ, давно знакомыхъ съ плодами буржуазныхъ и демократическихъ революцій. Коммунистовъ не смущаетъ и то обстоятельство, что, отказавшись по низверженіи правительства капиталистовъ, отъ низверженія буржуазнаго строя, они предоставили соціалъ-патріотамъ всего міра новое орудіе борьбы—наилучшее доказательство «объективной невозможности» рабочей революціи. Такое «объективное» доказательство, несомнѣнно, послужитъ для всѣхъ имперіалистическихъ разбойниковъ поощреніемъ къ безконечной міровой бойнѣ.

Рабочимъ массамъ предстоитъ самимъ, вопреки усыпителямъ соціалистамъ, поднять свою революцію. Рабочая революція идетъ дальше всѣхъ соціалистическихъ плановъ и задачъ. Освобожденіе рабочихъ, низверженіе рабочей неволи, существующей испоконъ вѣковъ, есть дѣло покрупнѣе соціализма. Соціализмъ собираетъ силы для низверженія однихъ только капиталистовъ, но хочетъ замѣстить ихъ классомъ наслѣдственныхъ бѣлоручекъ, оставляющихъ въ прежней неволѣ классъ ручныхъ рабочихъ и ихъ потомство. Соціализмъ сто лѣтъ противодѣйствуетъ рабочей революціи. Въ страхѣ передъ ней и большевики теперь остановились. Отпустивши волею стихіи у порога рабочей революціи, они отказываются идти дальше впередъ, ибо тамъ ихъ ждетъ немедленная борьба рабочихъ съ интеллигентами, борьба открытая, непримиримая, которой соціализмъ ни за что допустить не хочетъ.

Рабочій классъ долженъ принудить совѣтскую власть уступить его волѣ: объявить и провести всеобщую экспропріацію буржуазіи, употребивъ ея прибыли и доходы на улучшеніе положенія рабочихъ.

Русская революція давно ждетъ отзвука на западѣ, давно ждетъ помощи отъ рабочихъ другихъ странъ, ихъ международнаго бунта противъ войны. Но напрасно меньшевики ждали помощи отъ западноевропейскихъ соціалъ-патріотовъ, напрасно и большевики ждутъ помощи отъ какихъ-то «революціонныхъ» соціалъ-демократовъ, «истинныхъ марксистовъ». Соціализмъ не способенъ прекратить войну точно такъ же, какъ не былъ въ состояніи ее предотвратить.

Международный бунтъ противъ войны можетъ возникнуть только какъ рабочая революція. Между тѣмъ современный соціализмъ загубилъ, совершенно выгравилъ всякую мысль о непосредственной рабочей революціи. Обѣщая рабочимъ, организованнымъ въ милліонныя партіи, освобожденіе на пути постепенной мирной борьбы въ демократическомъ государствѣ, онъ отучилъ ихъ отъ бунтовъ противъ міра грабежа. При

содѣйствіи всей образованной буржуазіи соціалисты до такой степени развратили рабочія массы, научили такъ сильно любить собственную тюрьму—грабительское отечество, что сдѣлали ихъ безропотной, безголосной добычей военныхъ разбойниковъ, которые давно не имѣли такихъ сознательно-патріотическихъ солдатъ, какъ тѣ, что прошли многолѣтнюю соціалистическую выучку.

Въ Россіи соціализмъ проявилъ все, на что онъ способенъ. Соціалисты легко становятся пораженцами въ царскомъ, никуда негодномъ государствѣ, напередъ обреченномъ на гибель въ міровой войнѣ. Они умѣютъ добить царизмъ, когда его уже повергло иноземное оружіе. Напрягая всѣ свои силы, они умѣютъ здѣсь провести соціальную революцію для того, чтобы въ демократіи возродить свое отечество и сдѣлать его боеспособнымъ, какъ объ этомъ заботятся Керенскіе и мечтаютъ Ленины. (Грозящая катастрофа... стр. 29). Соціалисты только тогда находятъ въ себѣ рѣшимость призывать весь міръ къ прекращенію войны, когда для ихъ собственнаго отечества продолженіе войны становится невозможнымъ.

На Западѣ вся революціонность и искусство русскихъ соціалистовъ недостаточно для прекращенія міровой бойни. Тамъ, для усиленія демократіи и укрѣпленія отечества, нѣтъ смысла поднимать возстанія. Тамъ пораженчеству всюду пришлось бы посягать на безопасность «здоровыхъ», «прогрессивныхъ» государствъ, умѣющихъ отстоять въ войнѣ свое существованіе. Тамъ можетъ быть рѣчь только о рабочей революціи, а не о демократической. Наконецъ, чтобы, подтачивая одно государство, не усиливать тѣмъ самымъ его военнаго противника, необходимо организовать рабочій заговоръ въ воюющихъ странахъ. Но рабочій заговоръ, тайно подготовляющій рабочую революцію въ демократическомъ государствѣ—величайшее преступленіе по ученію современныхъ соціалистовъ, какъ и по буржуазнымъ законамъ. Если мысль о рабочемъ заговорѣ не явилась у соціалистовъ до войны, для ея предотвращенія, то можетъ ли она возникнуть хотя бы у самыхъ революціонныхъ, самыхъ «истинныхъ» марксистовъ теперь, въ несравненно болѣе трудныхъ условіяхъ?

Пока русскіе марксисты ждутъ помощи своихъ западноевропейскихъ товарищей, послѣдніе, въ свою очередь, ждутъ достаточной провѣрки и успѣха «экспериментовъ» русскаго большевизма. Такъ обыкновенно соціалисты разныхъ странъ вину за неумѣніе двинуться впередъ къ рабочей революціи сваливаютъ другъ на друга.

Русскій рабочій классъ немногаго дождется отъ западноевропейскихъ соціалистовъ, даже отъ самыхъ крайнихъ, самыхъ «истинныхъ». Рабочій бунтъ противъ войны, рабочая революція противъ грабительскаго міра можетъ быть поднятъ и на Западѣ лишь самими рабочими массами. И онѣ уже поднимались не разъ въ Италіи, Австріи, Германіи. Но эти вспышки, которыя подъ руководствомъ соціалистовъ размѣниваются на мелочи, не способны охватить даже одного государства, не говоря уже о другихъ воюющихъ странахъ. Между тѣмъ безъ одновременнаго возстанія хотя-бы въ двухъ, другъ противъ друга стоящихъ государствахъ, стремленіе прекратить войну почти безнадежно.

Октябрьская революція всколыхнула рабочихъ всего міра лишь потому, что отъ большевиковъ ждали немедленнаго прекращенія войны и низверженія буржуазіи. Разъ это не осуществляется, голый призывъ къ созданію совѣтской власти перестаетъ для нихъ быть чѣмъ-нибудь большимъ, нежели существующая у нихъ демократія.

Только низверженіе буржуазнаго строя въ Россіи, только экспропріація буржуазіи въ пользу рабочаго класса можетъ стать искрой для мірового пожара рабочихъ возстаній. Изъ рукъ соціалъ-патріотовъ и соглашателей всего міра выпадаетъ тогда самое сильное ихъ оружіе—буржуазное суевѣріе объ объективной невозможности низверженія буржуазіи; рабочіе всѣхъ странъ поднимутся на защиту своего дѣла, война сдѣлается невозможной и международная рабочая революція неизбѣжной.

Апрѣль—Май.

БЕЗРАБОТИЦА.

Передъ лицомъ безработныхъ прекрасныя слова о существующей въ Россіи съ октября диктатурѣ рабочихъ, о господствѣ рабочаго класса надъ буржуазіей—уже не только пустыя бредни, но прямое издѣвательство надъ голодными людьми. Рабочій классъ господствуетъ такимъ удивительно страннымъ образомъ, что сотни тысячъ его членовъ вмѣстѣ со своими семьями гибнутъ съ голоду въ то время, какъ капиталисты и всѣ прочіе буржуа, надъ которыми рабочій классъ якобы господствуетъ, по прежнему сыты. Въ рукахъ рабочаго класса государственная власть и казна, а сотни тысячъ голодныхъ рабочихъ не могутъ найти заработка!

Когда диктатура большевиковъ еще только утверждалась, они какъ будто понимали, что немыслимо увѣровать въ такое господство рабочаго класса, которое предоставляетъ рабочихъ всѣмъ ужасамъ безработицы и голода. «Рабочее» правительство издало декретъ о страхованіи отъ

безработицы за счетъ капиталистовъ. Но когда власть большевиковъ упрочилась, они въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ считали излишнимъ принимать надлежащія мѣры къ осуществленію, даже этого декрета, не говоря уже о болѣе серьезныхъ шагахъ для борьбы съ безработицей.

Въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ городахъ совѣты, подъ давленіемъ безработныхъ, прибѣгали къ контрибуціямъ и обложенію буржуазіи для обезпеченія голодныхъ. Большевистское правительство, которому его декретъ въ первые мѣсяцы не давалъ ни копѣйки, и не подумало практиковавшуюся мѣстными совѣтами систему обложенія буржуазіи въ пользу безработныхъ распространить на всю Россію. Между тѣмъ, сейчасъ послѣ октябрьской революціи это былъ надежнѣйшій и вѣрнѣйшій путь обезпеченія безработныхъ, даже при отсутствіи аппарата для взиманія налоговъ. Подъ угрозой ареста, напуганные повсемѣстными побѣдами рабочихъ, богачи безропотно дѣлали взносы въ совѣтскія кассы. Въ Одессѣ безработные потребовали въ началѣ января 10 милліоновъ отъ мѣстныхъ богачей. Въ тотъ же день было доставлено полмилліона, съ обѣщаніемъ въ непродолжительный срокъ собрать остальную сумму.

Система контрибуцій въ пользу безработныхъ, проведенная совдепами во всѣхъ городахъ и промышленныхъ мѣстностяхъ, могла дать въ первые же мѣсяцы сотни милліоновъ въ кассы безработныхъ. Такимъ образомъ, даже не говоря о всеобщей экспропріаціи буржуазіи, до чего мысль соціалистовъ никакъ добраться не можетъ, была возможность обезпечить рабочихъ отъ растущей безработицы. Впрочемъ, какъ извѣстно, рабочимъ позволено было забавляться контрибуціями, реквизиціями, конфискаціями и пр. лишь непродолжительное время, лишь для созданія иллюзіи господства рабочихъ надъ капиталистами, для укрѣпленія за большевистской диктатурой названія «рабочей» и «соціалистической».

Страховая касса безработныхъ могла собрать сразу послѣ октябрьскаго переворота очень крупныя суммы и, финансируемая одновременно государствомъ, дала бы возможность покрыть всю Россію сѣтью общественныхъ работъ. При такой борьбѣ съ безработицей совѣтская республика пріобрѣла бы совершенно другой характеръ: она навсегда связала бы себя съ низами рабочаго класса такими крѣпкими узами, что даже въ настоящій моментъ страшнѣйшаго голода никакимъ предателямъ и контръ-революціонерамъ не удалось бы перетянуть ихъ на свою сторону. Обо всемъ этомъ большевистскіе вожди совсѣмъ не думали. До сихъ поръ нигдѣ не организованы общественныя работы, даже элементарнаго характера, какъ заготовка дровъ напр., которыми необходимо было бы замѣнить теперь уголь въ нѣкоторыхъ производствахъ и прежде всего на желѣзныхъ дорогахъ.

Конечно, широкая постановка общественныхъ работъ, обезпеченіе отъ безработицы обошлись бы государству въ милліарды. Но даже по могамъ, доступнымъ пониманію большевиковъ, стоило это дѣлать. Сколько тяжелыхъ, роковыхъ послѣдствій, роковыхъ для самихъ большевиковъ, было бы избѣгнуто. Спасеніе сотенъ тысячъ людей отъ ужасовъ безработицы есть въ то же самое время самый вѣрный путь спасенія русской революціи. Большевики ждали, очевидно, весны, которая должна была разогнать назойливую массу безработныхъ, разбросать ее по всей Россіи, распылить по глухимъ деревнямъ. Но раньше чѣмъ уйти, эти массы почувствовали глубокую злобу къ «пролетарской диктатурѣ», предоставляющей имъ помирать съ голоду, и разнесли эту злобу по всей Россіи. Возвращающіеся съ фронта изголодавшіеся солдаты пріѣзжаютъ на родину и, не находя никакого заработка, никакихъ средствъ къ существованію, никакой поддержки отъ «рабочей» власти,—лзь горячихъ большевиковъ превращаются въ тѣхъ мѣшечниковъ, спекулянтовъ, уличныхъ торговцевъ, которыхъ вылавливаетъ развращенная ремесломъ полицейскихъ красная «рабочая» гвардія.

Отношеніе большевиковъ къ страшной, невиданной до сихъ поръ въ исторіи безработицѣ, вполнѣ согласно съ духомъ ихъ октябрьскаго переворота. Большевистскій переворотъ, какъ и всѣ предыдущія революціонныя выступленія русскихъ соціалистовъ, былъ сведенъ къ перевороту политическому. Главной задачей большевиковъ было завоеваніе рабочими новаго политическаго права создавать «свою» совѣтскую власть, а не измѣненіе экономическаго, матеріальнаго положенія рабочаго класса. Поэтому большевики стараются связать рабочія и безработныя массы съ совѣтской властью лишь агитаціей, просвѣщеніемъ, проповѣдью, а не улучшеніемъ матеріальнаго положенія рабочихъ не обезпеченіемъ безработныхъ.

Большевики полагали, что для безработныхъ всей Россіи при закрытіи предпріятій болѣе чѣмъ достаточно уплаты за три мѣсяца. Поэтому большевистская власть оставляла у рабочихъ лишь полуторамѣсячную плату, а другую половину удерживала въ кассѣ безработныхъ, но не для раздачи другимъ безработнымъ, давно оставшимся безъ всякихъ пособій, а, повидимому, для самыхъ острыхъ случаевъ безработицы, выливающихся въ крупныя волненія. Такъ въ Петербургѣ, только въ мартѣ брошена милостыня стотысячной арміи безработныхъ: на три мѣсяца—4 милліона, что означало бы меньше полтинника въ день на душу, еслибы не пришло на помощь хитроумное распоряженіе о выдачѣ 15 тысячамъ безплатныхъ обѣдовъ, а остальнымъ ни гроша.

Совѣтское правительство вспомнило о своемъ декретѣ и сдѣлало первые шаги по пути частичнаго его осуществленія лишь къ веснѣ, послѣ

четырехъ мѣсяцевъ полнѣйшаго бездѣйствія, когда возвратившіеся съ фронта солдаты, какъ элементъ болѣе требовательный, вызвали во многихъ мѣстахъ волненія и «эксцессы». По скольку капиталисты на это соглашаются, начинаютъ поступать взносы согласно установленной декретомъ нормы. Ц. И. К. «для предотвращенія могущихъ возникнуть эксцессовъ», призываетъ всѣ совдепы и рабочія организаціи къ изысканію средствъ для страховыхъ кассъ. Капиталисты теперь, послѣ извѣстнаго поворота въ большевистской политикѣ и прекращенія «красногвардейскихъ атакъ» на эксплуататоровъ, стали совсѣмъ не уступчивы и къ уплатѣ взносовъ не склонны. Мѣстнымъ совдепамъ, сильно ограниченнымъ въ примѣненіи прежнихъ принудительныхъ мѣръ, приходится думать объ обложеніи самихъ рабочихъ.

Въ Москвѣ, для обезпеченія совнаркому спокойствія, послѣ многократныхъ обѣщаній, начинается, наконецъ, выдача пособій, конечно, не всѣмъ безработнымъ. Пособія выдаются съ очень большими ограниченіями и въ размѣрахъ, далеко не соотвѣтствующихъ обѣщанной декретомъ обычной платѣ рабочаго. Можно ли назвать выдаваемые 4 руб. холостымъ и 7 р. семейнымъ иначе, какъ нищенской подачкой!

«Профессіональный Вѣстникъ» отъ 20 апрѣля въ слѣдующихъ словахъ передаетъ доклады съ мѣстъ на 2-мъ областномъ съѣздѣ комиссаровъ труда Московскаго промышленнаго района и биржъ труда:

«Почти во всѣхъ болѣе или менѣе крупныхъ городахъ области приступлено къ организаціи кассъ для безработныхъ, но только въ Иваново-Вознесенскѣ она уже функціонируетъ, во всѣхъ же другихъ мѣстахъ кассы или находятся въ процессѣ организаціи, или же не могутъ быть открыты вслѣдствіе отсутствія денежныхъ знаковъ. Этотъ же мотивъ служитъ препятствіемъ вездѣ при организаціи общественныхъ работъ и устройствѣ столовыхъ. Вообще, отсутствіе денежныхъ знаковъ является больнымъ вопросомъ на мѣстахъ. Слѣдуетъ также отмѣтить, что при организаціи кассъ безработныхъ нигдѣ не рамѣчается выдача пособій, согласно декрета, въ размѣрѣ средняго заработка, что считается невозможнымъ, но устанавливается опредѣленный минимумъ и максимумъ. Взносами въ нѣкоторыхъ мѣстахъ облагаются не только предприниматели, но и рабочіе, какъ напр., въ Вязникахъ, Тулѣ, Рыбинскѣ. Взносы поступали по большей части туго. При чемъ делегаты отмѣчаютъ рѣзкій антагонизмъ между безработными, особенно солдатами, организовавшимися въ Совѣты безработныхъ, и всѣми существующими рабочими организаціями. Вездѣ, гдѣ существуютъ совѣты безработныхъ, за исключеніемъ одной только Калуги, они выступаютъ съ угрозами вооруженнаго воздѣйствія, съ явно недопустимыми требованіями снять рабочихъ съ работы и предоставить свободныя мѣста безработнымъ, снимаютъ женщинъ и подростковъ, требуютъ выдачи имъ на содержаніе, требуютъ посылки на работу внѣ очереди и т. п.» (стр. 16).

Въ резолюціи, принятой на съѣздѣ, говорится:

«Въ виду того, что до сихъ поръ на мѣстахъ сдѣлано очень мало для проведенія закона о страхованіи отъ безработицы, съѣздъ поручилъ Комиссарамъ Труда въ самомъ срочномъ порядкѣ созвать совѣщаніе рабочихъ организацій для образованія страховыхъ кассъ»...

«Съѣздъ считаетъ вредными попытки созданія особыхъ организацій безработныхъ, противопоставляющихъ себя всѣмъ другимъ рабочимъ организаціямъ и вносящихъ расколъ въ рабочее движеніе, единство котораго теперь важнѣе, чѣмъ когда бы то ни было. Безработные, какъ всѣ рабочіе, должны входить въ профес. рабочіе Союзы, могутъ образовать при этихъ союзахъ свои секціи и осуществлять мѣропріятія по борьбѣ съ безработицей въ соотвѣтствіи съ интересами всего рабочаго движенія въ цѣломъ».

«Въ связи съ этимъ съѣздомъ высказывается пожеланіе, чтобы профес. союзы устранили препятствіе къ вступленію въ ихъ составъ безработныхъ» (стр. 17. Курсивъ нашъ).

Итакъ, въ моментъ съѣзда безработные еще не имѣютъ права вступать въ профессіональные союзы, а особая организація безработныхъ вредна. Очевидно, по мнѣнію представителей съѣзда, наиболѣе подходящимъ состояніемъ для безработныхъ было въ тотъ моментъ совсѣмъ не организоваться, а молча, безропотно голодать для сохраненія спокойствія въ «пролетарскомъ государствѣ». Однако, голодныхъ людей такъ легко и просто не усыпишь. Безработные прекрасно поняли, что только при ихъ настойчивыхъ требованіяхъ они могутъ разсчитывать на какую либо помощь. Если бы не возникли особыя организаціи безработныхъ съ ихъ громкими требованіями помощи и работы, дѣло страхованія отъ безработицы стояло бы до сихъ поръ на той же мертвой точкѣ, что и всю зиму, и безработные не получили бы даже той мизерной поддержки, которую кое-гдѣ сейчасъ получаютъ.

Государственная власть, даже и та, что назвала себя «пролетарской», «соціалистической», не выражаетъ воли рабочихъ массъ, а тѣмъ болѣе массъ безработныхъ. Особая организація безработныхъ необходима. Только она можетъ отстоять требованіе немедленнаго и полнаго обезпеченія безработныхъ, только она будетъ за это требованіе бороться, только она добьется обезпеченія безработныхъ отъ голода. «Пролетарская власть» не только не обезпечитъ никогда по своей собственной волѣ безработныхъ,

но, напротивъ, будетъ всегда отвѣчать, какъ и всякое другое правительство, что для полнаго обезпеченія безработныхъ нѣтъ средствъ, что такое возможно лишь послѣ окончательнаго введенія «соціализма» и пр., и пр.

Изъ приведенныхъ выше докладовъ на съѣздѣ видно, что обезпеченіе отъ безработицы въ необходимомъ масштабѣ невозможно по очень понятной причинѣ, **по недостатку денегъ**. И это для такого дѣла и въ такой моментъ, когда онѣ нужны немедленно! Послѣ всѣхъ предостереженій и напоминаній центральной власти большевистскіе совдепы на мѣстахъ, конечно, не рѣшаются на принудительныя мѣры при взиманіи страховыхъ взносовъ, они не могутъ больше, по той же причинѣ, прибѣгать къ экстреннымъ мѣрамъ въ видѣ контрибуцій на богатыхъ. А совнаркомъ и не заикается, что въ этомъ дѣлѣ можно разсчитывать на авансы и субсидіи изъ государственной казны. Что же большевистскимъ совдепамъ остается дѣлать? **Облагать самихъ рабочихъ**. Въ борьбѣ съ невиданной безработицей рабочіе должны сами себѣ помочь. Дѣля съ безработными свой рабскій, голодный паекъ, они должны спасать сотни тысячъ гибнущихъ съ голоду товарищей.

Въ «пролетарской», «соціалистической» республикѣ «права» рабочихъ на голоданіе во время безработицы тѣ же, что въ буржуазной республикѣ Керенскаго, что въ буржуазныхъ государствахъ всего міра. Зачѣмъ же было, думаютъ вполнѣ резонно безработные, завоевывать власть надъ государствомъ и его казной, когда ни одной копѣйки изъ этой казны получить нельзя даже тогда, когда помираешь съ голоду? Да, не помѣшало бы, какъ видно, рабочимъ заранѣе, до октябрьскаго переворота, поторговаться съ большевиками и обязать ихъ по достиженіи власти повысить рабочую плату и обезпечить безработныхъ.

Центральная большевистская власть выдерживаетъ свою линію неуклонно. Изъ тѣхъ денегъ, которыя печатаются милліардами, на спасеніе безработныхъ отъ голодной смерти не должно быть отпущено ни копѣйки. Страховая касса можетъ выдавать пособія лишь постольку, поскольку поступаютъ взносы. Милліарды печатаемыхъ денегъ могутъ, по мнѣнію власть имущихъ, идти лишь на «государственныя нужды»: на содержаніе красногвардейцевъ, охраняющихъ спокойствіе и порядокъ въ государствѣ и большевистскую власть, на содержаніе просвѣтительныхъ учрежденій, воспитывающихъ населеніе въ большевистскомъ духѣ, наконецъ, на содержаніе ненаціонализованной и націонализованной промышленности, которая должна не только прокормить рабочихъ, но еще, во что бы то ни стало, давать прибыль сытому привиллегированному обществу. Спасеніе сотенъ тысячъ людей отъ ужасовъ безработицы—это совсѣмъ не считается государственной необходимостью точно такъ-же въ «пролетарскомъ» государствѣ, какъ и въ буржуазномъ.

Особая организація безработныхъ, **особая борьба безработныхъ неизбѣжна и необходима въ совѣтской республикѣ** въ той же мѣрѣ, какъ и во всякомъ другомъ государствѣ. Она имѣетъ своей задачей добиться отъ государства немедленнаго, полнаго обезпеченія всѣхъ безработныхъ, добиться основного, общегосударственнаго закона, въ силу котораго каждый безработный получаетъ пособіе въ размѣрѣ, приближающемся къ обычному его заработку. Такой законъ принудитъ государственную власть немедленно приступить къ повсемѣстной организаціи общественныхъ работъ. Пока существуетъ буржуазный строй, государственный фондъ для страхованія отъ безработицы и для организаціи общественныхъ работъ долженъ быть созданъ путемъ обложенія имущихъ классовъ, крупной и мелкой буржуазіи, интеллигенціи, получающей привиллегированные доходы, но ручные рабочіе отъ такого налога должны быть безусловно свободны.

Редакторъ **А. ВОЛЬСКІЙ.**

БИБЛІОТЕКА ИМЭЛ при ЦК ВКП(б)

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:

Книжный складъ „**ГОЛОСЪ ТРУДА**“, Москва, Поварская, 19, тел. 14-97.

Петроградъ, Литейный пр., 56.

Цѣна 60 коп.

Типографія т-ва «МЫСЛЬ», Петровка, 17.